Искусство оскорблять

Автор:
Александр Невзоров

Искусство оскорблять

Александр Глебович Невзоров

Ангедония. Проект Данишевского

«Еретик!» – сказала церковь. «Хулиган!» – сказали чиновники. «Бесстыдник!» – сказали мещане. А Невзоров ответил очередной язвительной колонкой. Легенда ранних девяностых, он вернулся к почтеннейшей публике лучше прежнего: сменил кожанку на костюм, папиросу на трубку, молодую ярость – на горькую иронию зрелости. Неизменна лишь реакция на его тексты: «Он что, издевается, что ли?!» О нет, он абсолютно серьезен. Он врачует раны и бичует пороки, говорит о Боге и человеке, России и Америке, религии и истории. Перед вами – книга Александра Невзорова, который прячет свой трагический прищур за ехидной, бесстыдной и совершенно невыносимой улыбкой.

В книгу вошли как ставшие классикой публицистики и разобранные на сотни цитат статьи Невзорова с портала Snob.ru, так и новые материалы лекций.

Авторская редакция.

Александр Глебович Невзоров

Искусство оскорблять

Кратчайший конспект цикла лекций в «Эрарте»[1 - «Эрарта» – музей современного искусства в Санкт-Петербурге.]

Прошу отметить, что я ни к чему не призываю. Более того, мне бы не хотелось, чтобы мои взгляды кто-либо разделял. Массовое должно оставаться массовым, а штучное – штучным. Есть набор представлений, который ни в коем случае не должен становиться общепринятым.

В данный конспектик я надергал самые разные фрагменты своих лекций. Их генеральная тема – абсолютное свободомыслие и, как следствие, мастерство публицистики. А оно порой нуждается в весьма экзотических иллюстрациях. Естественно, в этом качестве я использую темы и образы, наиболее понятные моим слушателям.

Зачем нужно абсолютное свободомыслие? Разумеется, оно не цель, хотя иногда и позволяет наслаждаться необолваненностью. Оно – инструмент, без которого нет смысла заниматься ни публицистикой, ни наукой.

I

Политика была, есть и будет прекрасным материалом для отработки навыков глумления. Особенно в этом качестве хороша политическая реальность РФ. Она так сочна и маразматична, что трудно представить себе лучший тренажер. Конечно, хулиганская вольность обращения с ее фактурой приходит только в том случае, когда вы совершенно свободны вообще от любых политических взглядов.

Итак, рассмотрим события последнего месяца.

Национальная эрекция, которую так долго вызывал Кремль, наконец-то свершилась. Одновременно встал и вопрос ее дальнейшего применения.

Но!

Принимающий орган у Сирии оказался ничтожно мал, у Донбасса заминирован, а на Прибалтику чертово НАТО успело нацепить пояс целомудрия. Запасной вариант с Беларусью тоже провалился. Там оказалось все так крепко забито картошкой, что всунуть эрегированное русское величие было некуда. Что теперь делать с этой эрекцией, никому не понятно. Рано или поздно Кремлю снова придется стучать зубами о стакан, напоминая «братьям и сестрам» о волшебных возможностях ладошек.

Этот гадкий момент приближается. Публика соскучилась по державности, то есть по фронтам, застенкам и карточкам. Она хочет в кандалы и под плети. А Кремль таковыми в товарном количестве не располагает. Кроме шоу «ходячее кладбище», ему нечего предложить населению.

До последней минуты теплилась надежда на воскрешение пыточных традиций. Но, как выяснилось, максимум, на что может рассчитывать общество, – это истязание концертом из дурацких развалин. Росстат пока замалчивает цифру умученных виолончелями, но вряд ли она может впечатлить наследников ГУЛАГа.

Как мракобесные, так и либеральные аналитики – в страшном беспокойстве. Они обнюхивают пресс-выделения друг друга и с попугайской настойчивостью диагностируют у оппонентов «вирус фашизма», «революцию» и «русофобию». Они всегда на слезе, им всегда больно. Конечно, пейзаж украсили бы катафалки, но, к сожалению, от боли за отчизну никто из аналитиков пока не умер.

Они скулят, но соглашаются и дальше быть одним из монстриков на диком полотне России. Увы, никто не хочет дистанцироваться и увидеть чумное очарование ситуации. Они не умеют воспринимать страну как грандиозный анатомический театр, где на каждом столе разложены готовые к препарации смыслы и редкие сущности.

Аналитики сами переморочили себе головы своими причитаниями про «отечество», «народ», «мораль», etc. Эти обременения, конечно, милы, но именно они лишают возможности ясно мыслить. Именно от них следует избавляться в первую очередь. Впрочем, как и от любых политических взглядов и пристрастий. Публицист, нагруженный данными понятиями, напоминает анатома, который ходит в прозекторскую не резать, а рыдать.

Лучше не иметь никакой родины, чем культивировать в этом качестве какую-нибудь дрянь. Просто потому, что «так получилось» и «мать». Не следует терпеть сумасшедшую старуху, которая душит внуков и поджигает портьеры. Один проворот глобуса свидетельствует о том, что выбор возможных «родин» достаточно велик. (Разумеется, это не касается тех ситуаций, когда в перспективе маячит очень большое наследство. Тогда можно потерпеть даже портьеры.)

* * *

Про «народ» следует забыть, как и про уважение к его «выбору».

Тот факт, что зрители «битвыэкстрасенсов», кричатели «крымнаш» и выпиватели миллиарда бутылок водки выбрали себе кумиров, ни к чему не должен обязывать. Политические предпочтения этой публики имеют такую же ценность, как и их интеллектуальные или культурные пристрастия (то есть нулевую). Понятие «народ» – это всего лишь часть примитивной агитки, сочиненной режимом. Как попы вещают от имени «бога», так и режимы от имени «народа». А упоминание властью этого скользкого понятия говорит лишь о том, что она делает ставку на самые примитивные свойства населения.

* * *

Иными словами, никогда не надо упускать возможности поиздеваться над властью. Для этого можно использовать любой предлог, а если его нет, то следует его создать. А уж вытирание ног о различные святыни – это самая важная часть профессии публициста. Впрочем, разнообразие святынь обязывает и к разнообразию подошв. Большинство святынь ядовиты и требуют прочного протектора на башмаках.

К сожалению, закон РФ лишил нас приятной возможности оскорблять чувства верующих. Но осталось еще много всяких «сакральностей», которые по своей глупости ничем не уступают религии. Например, традиции, идеологии и патриотизм.

При этом не следует опасаться повредить чьи-нибудь убеждения. Настоящий патриот никогда не откажется от своей уверенности в том, что кролики живут в

шляпе фокусника.

* * *

Кстати.

Качество мышления может иметь и прямой практический смысл. Вспомним Иеремию Бентама. Этот дерзкий для своего времени мыслитель был мумифицирован. Ларец с его останками разместили в холле Лондонского университетского колледжа. Но со временем вокруг мощей Бентама начались загадочные события. Крышка ларца наутро оказывалась отодвинутой. По ночам в холле билось стекло и регистрировались странные звуки.

Как выяснилось, один из лаборантов, г-н Милль, повадился собирать «нечто вроде масла, вытекавшее из головы Бентама». Г-н Милль пояснил, что эта субстанция наилучшим образом подходит для смазки лабораторных хронометров. Ряд опытов подтвердил, что «масло» действительно вне конкуренции.

Разумеется, предположение о связи меж интеллектом Бентама и качеством смазки для хронометров – это абсолютная глупость. Но, как и всякая чушь, данная история может служить прекрасной аллегорией того, как голова ученого служит науке.

* * *

Иногда бывают забавные реплики из аудитории.

В частности, прозвучал вопрос о том, какое произведение художественной литературы на меня повлияло в детстве.

Я честно ответил, что, скорее всего, «Преступление и наказание», которое меня уговорили (по диагонали) прочесть. Я был маленьким и еще не умел защищаться от всей этой макулатуры.

Но от данной книжки определенный смысл все же был. Я хорошо усвоил, что, крупно набезобразничав, никогда не следует терзаться. Именно «угрызения совести» чаще всего и ведут к разоблачению. Они существенно искажают поведение и в результате приводят к «проколу».

II

Надеюсь, вы понимаете, куда пришли. Равно как и то, что ничему хорошему я вас не научу.

Искусство оскорблять начинается с умения презирать общественное мнение. Для этого в первую очередь следует начисто избавиться от так называемого уважения к человеку. Разумеется, это не просто, но игра стоит свеч.

Есть несколько способов. Наилучший метод был открыт еще И. М. Сеченовым и И. П. Павловым. Действительно, трезвое понимание принципов работы головного мозга аннулирует большинство ложных представлений о человеке. Совесть, традиции, мораль, патриотизм и духовность переводятся в разряд забавных безделушек, что придает мышлению новые степени свободы.

Это прекрасно, но имеющийся набор пониманий хотелось бы «расширить и углубить». Проблема заключается в том, что с павловских времен мало что изменилось – и никакой единой теории мозга, трезво объясняющей природу мышления, так и не возникло.

Это неудивительно. Те повороты, что вели к относительной ясности, наука о мозге «проехала» еще в середине прошлого века. Сегодня она представляет собой бессмысленное терминологическое варево, не имеющее ни вектора, ни перспектив, ни ответов на самые простые вопросы. Тема стала гнездышком для фантазий о зеркальных нейронах, асимметрии, магической роли лобных долей и другой забавной чепухи.

Нас мало беспокоит судьба нейрофизиологии, но ее паралич начинает доставлять некоторые неудобства. Неразрешимость «загадки мозга» давно надоела.

Возможно, науке опять не хватает подсказки направления. Академики – милейшая публика, но, как известно, именно щелкоперы указывают ученым, «куда думать».

Вспомним, что в XVIII веке публицисты Ламетри, Гольбах и Гельвеций указали естествознанию направление движения. Оно оказалось абсолютно верным. Вся наука XIX–XX веков по сути стала подробной расшифровкой их дерзких прозрений. Когда импульс ослабел, тот же фокус повторил Энгельс.

Ничего удивительного. Порой все решает не количество специфических сведений о предмете, а степень свободы мышления.

Итак.

Представим себе уродца. Покроем его струпьями и слизью. Украсим гроздьями наливных лепрозных бородавок. Его белесым глазкам очень пойдет Базедова болезнь, а личику – прогерия. Паразитарная тератома добавит очарования. Она обеспечит нашего героя дополнительными конечностями, растущими из самых неожиданных мест. Для завершения портрета – посадим красавца в лужу его собственных выделений.

А теперь присмотримся и прислушаемся.

Наш уродец озабочен. Он не находит себе места, без остановки повторяя один и тот же вопрос: «Почему, почему я так прекрасен?»

Это не шутка. Он убежден в собственном великолепии и считает свою красоту главной тайной мироздания. Более того, наш герой страстно мечтает разгадать природу своего совершенства. Бедняга изъедает себя, стремясь узнать этот секрет. Им уже созданы и отброшены сотни объясняющих гипотез. Но… ничего не получается. И не получится. По одной простой причине: ответа на его вопрос не существует. Он безнадежно уродлив. А урод может вечно искать секрет своей красоты и никогда его не найдет.

Примерно то же самое происходит с «разумом и интеллектом». Этим явлениям присвоен статус «главной тайны жизни», а головному мозгу – забавный титул «сложнейшего субстрата вселенной».

«Волшебные свойства» сознания и мышления много веков не дают покоя homo. Они – предмет его восторгов, поклонения и вечного удивления. Человек убежден, что эти явления можно исследовать исключительно как некое чудо, как главный и итоговый продукт мироздания, ради которого все и заварилось 14 миллиардов лет назад.

Homo очарователен. Он всерьез уверен в том, что взрывы первичных звезд, образования планет, да и сама эволюция свершились для того, чтобы он мог потыкать пальчиками в айфон.

Впрочем, ничего удивительного. Человек дрессируется значительно лучше других животных. Именно в этом причина его эволюционной карьеры. А основной дрессировщик – культура. Это ее шамберьер гоняет бедного homo по вечному кругу традиций, ритуалов и религий. Именно культура фарширует миллиарды голов баснями о душе, личности, психике и внутреннем мире.

Регулярные сотрясения этого фарша породили веру в то, что человек – «венец творения» и «мера всех вещей». Создался нарциссический культ вида. Он как минимум нелеп, но доставляет столько радости 7 миллиардам обитателей Земли, что лучше было бы его не трогать. Ведь погремушка собственного величия – единственное, что есть у человека. Конечно, пусть он играется с нею без всяких помех. Ее утешительная сила безмерна, т. к. самому опущенному человечишке она дарит чувство превосходства над бобром и страусом.

В любом случае трезветь уже поздно, да и шамберьер не позволит.

Отметим, что и у нас нет ни малейшего желания повредить нарциссический миф. Наша задача не убедить, а убедиться.

В связи с этим рисуется маленькая проблема, которую придется аккуратно обойти.

Разумеется, в картине видового величия самые сочные лавры достались разуму. Неспецифические отправления головного мозга возвелись в ранг уникального явления. Они изучаются только в таком качестве. К этому тоже можно было бы отнестись с сочувствием и пониманием. Конечно, для полноты красивой картинки требуется экстраординарное свойство. Пусть даже вымышленное.

Но мы хотим ясности в своем узком вопросе и не согласны в стотысячный раз «взвешивать галлюцинацию». Следовательно, мы обречены исследовать вопрос несколько иначе, чем это принято.

Дело в том, что все попытки понять мышление как нечто «величайшее и сверхсложное» вообще ни к чему не привели. Уже много сотен лет человек вопрошает себя о великой тайне своего разума, но не находит ответа.

Есть подозрение, что он очень похож на уродца, ищущего секрет своей исключительной красоты.

Короче: тупик уже настолько очевиден, что пора менять вектор. Необходимо переосмыслить все, что мы знаем о механизмах мышления.

Не переживайте.

Погремушка останется целой.

Дело в том, что люди не способны принять теорию, которая им не льстит. Фарш в их черепах мстителен и капризен; это он определяет, что «идет» человеку, а что нет. Культура сделала свое дело. Как опытная модница публика отбрасывает все, что зрительно «кривит ее ножки» или полнит. Такая участь уже постигла дарвинизм, условные рефлексы, абиогенез, ретикулярную формацию и все те открытия, которые пытались отобрать у человека погремушку видового величия.

Нет сомнения, что если бы шарлатан-виртуоз «научно установил» происхождение мышления от богов, инопланетян, предков, искусства или иных тайных сил, то эта ахинея получила бы абсолютное признание.

К слову сказать, конструирование таких концепций – страшный соблазн. Они доходны и просты в изготовлении. Основная масса публики легко обдуряема, она млеет от ахинеи и исправно делает ей кассу.

Сигизмунд Шломо Фрейд с его «подсознанием» – лучший пример удачного шарлатанства. Но Фрейда можно понять. Глядя на людей, мучительно трудно их не развести.

Но нам, повторяю, нужна ясность. Иногда понты чуть-чуть важнее наживы.

Итак.

По всей вероятности, изучать «разум-мышление-интеллект» как нечто сверхсложное нет ни малейшего смысла. Причина глобального фиаско «нейронаук» в том, что на протяжении долгого времени ими исследовалась иллюзия.

Вероятно, сакральные подарки эволюции совсем не так хороши, как полагает сам «венец творения». И совсем не так значительны.

Это не отменяет необходимости разобраться с их природой. Но вот восторги придется отшелушить и рассматривать разум и мышление как явление весьма заурядное.

Начнем с того, что мозг[2 - Оговоримся. Употребляя понятие «мозг», мы будем иметь в виду лишь функции, которые обеспечивают «те самые», особые свойства человека. То есть разум, мышление и интеллект.] не является органом, жестко определяющим судьбу и поведение особи. Само по себе наличие полушарий не наделяет homo ни речью, ни мышлением, ни интеллектом. Без курса социально-культурной дрессировки человек остается обычным животным.

Сегодня человеку также невозможно поверить в придуманность «психики» или «личности», как современникам Галилея – в круглость и вращение Земли. Напомним, что близкое родство человека с рептилией или рыбой тоже было невозможно для обычного понимания. Однако со временем это стало фактом.

Продолжим.

Мозг человека не является влиятельным органом. Иначе он сообщал бы всем без исключения представителям вида особые возможности и преимущества.

Характерное свойство вида всегда распространяется на всех его представителей. Это эволюционная реалия, имеющая статус закона.

Если полярные крачки имеют бионавигационные возможности, то дорогу от Арктики до Антарктики находит каждая из них. Все подковоносы обладают эхолокацией, и все кольчатые удавы – инфракрасным видением.

Если бы так называемая когнитивность мозга была бы особенностью вида, то у папуаса и Эйнштейна мозг функционировал бы примерно одинаково и с примерно одинаковыми результатами. Так как это делает, к примеру, печень, вне зависимости от того, в чьем она заключена теле.

Если бы мозг обладал теми свойствами, которые ему приписывает миф, то Эйнштейнами или Ландау были бы все поголовно. Но этого нет. У разных особей идентичный орган производит радикально разные продукты. Значит, дело не в нем, а только в той среде, где он функционирует. Иными словами, увы, мышление не является характерной особенностью нашего вида.

Данный факт лишает всякого смысла разговор о собственном «когнитивном» потенциале мозга. Вероятно, этот потенциал – очередная сказка.

Напомним, что для изобретения таких простых штук, как наган и зажигалка, «венцу творения» потребовалось около миллиона лет. Если бы мозг действительно был «биологическим чудом», способным генерировать правильные ответы на вызовы среды, то черепа питекантропов украшали бы не следы каменных рубил, а пулевые дыры.

Поясню нашу мысль. И наган, и зажигалка – это технически простейшие приспособления. И оба дают неисчерпаемые преимущества для выживания. Все их компоненты всегда под рукой: металлы, минералы, газы. Их просто надо взять и собрать в эти вещицы. Однако это стало возможно лишь через множество тысячелетий, через долгое и мучительное накопление знаний, сумма которых сегодня именуется интеллектом.

Сам факт необходимости этого накопления – неопровержимое свидетельство отсутствия у мозга каких-либо собственных «высоких» потенциалов. В этом нет ничего удивительного. Мышление – типичный эпифеномен, случайно возникающее побочное свойство. В каждой новой родившейся особи его приходится запускать «вручную», с «чистого листа», так как генетически оно не закрепляется. Разумеется, никаких анатомических или физиологических преференций для мышления не предусмотрено. Как, кстати, и специальных

структур.

Забавен культ коры головного мозга. Следует помнить, что приютившая «личность» и мышление кора – это всего лишь инструмент древнейших мозговых образований. Они нарастили ее в процессе эволюции, чтобы успешнее выживать и размножаться.

Кора находится в существенной зависимости от ретикулярной формации ствола. Той самой, что окончательно сложилась в мозгу рептилий пермского периода и никаких изменений с тех пор не претерпела.

А ретикулярная формация – большая шалунья.

Она очень любит напомнить «умной» коре, «кто в доме хозяин», и никогда не откажет себе в удовольствии напустить лужу под стулом профессора филологии, смотрящего фильм ужасов.

Приглядимся к данной ситуации. Что происходит? Откуда эта лужа?

Разумеется, набор условных рефлексов снисходительно «знает», что все происходящее на экране – грим, графика, декорации и обман.

Но у первоначальных структур мозга на этот счет свое мнение. И они включают страх во всей его физиологической красе. В результате – тремор, моча, зрачковый рефлекс, артериальное давление, а в особо удачных случаях – инсультик или остановка сердца. Кора, разумеется, против, но ее мнение мозгу не интересно.

Почему это происходит? Объясним.

Древние стволовые структуры мозга складывались в условиях абсолютной реальности палеозоя и не имеют никакого понятия о том, что существуют искусственные изображения. Поэтому на любой вымысел они реагируют как на реальность, а в маргинальных случаях полностью берут управление на себя.

Так как формирование мозга давно завершено, никаких надежд на модернизацию древнейших структур, разумеется, нет.

Доказательства их власти во всем: в воздействии порнографии, в фантомных болях, фобиях, в исключительной похотливости и агрессивности нашего вида, а также в необычайной хрупкости так называемой психики.

Есть и еще один неприятный нюанс. Он с предельной наглядностью демонстрирует реальную цену мозга человека.

Дело в том, что человечество (в привычном смысле этого слова) не является создателем собственной цивилизации.

Из тех 50 миллиардов людей, что населяли землю, к созданию интеллекта причастны лишь несколько тысяч человек. Если мы произведем точные подсчеты, то получим позорную долю процента тех, кто действительно влиял на развитие вида, и 99,9999 % – нахлебников, которые были либо равнодушны к развитию, либо ему откровенно мешали своими дурацкими войнами, традициями, религиями и культурами.

Это утверждение можно развернуть и пошире. Но, боюсь, что для данной аудитории детализация пока будет тяжеловата.

* * *

Вопросы из зала бывают вполне разумны. В частности, был вопрос о соотносимости открытия квантовой механики с примитивностью мозга.

Да. На первый взгляд это впечатляет. И не только кванты, но и открытие гравитации, реликтового излучения и вычисление альфа-константы. Этот набор выглядит как роковой козырь против всяких сомнений в совершенстве человеческого ума и его возможностей.

Но! Быть может, дело не в возможностях интеллекта человека, а в простоте и очевидности тех материй, что мы перечислили?

Есть ли у нас какие-то доказательства запредельной «сложности» квантов?

Боюсь, что единственным доказательством их сложности будет то, что «мы очень долго до них додумывались». Других аргументов не просматривается.

Так бывает. Я знавал одного задумчивого оленевода, который ровно два месяца открывал банку с пивом.

Был и вопрос о важнейшем открытии человечества за всю его историю.

Разумеется, это атеизм. Став совокупностью всех научных открытий, а также прозрений и логики, именно атеизм избавил мышление человека от глупейшего обременения в виде бога. Но, к сожалению, эта чепуха очень долго работала парализатором интеллекта и затормозила развитие вида. Наверстать, по всей вероятности, уже не получится.

Публику почему-то очень интересует вопрос о том, бываю ли я на могиле своего отца и как я за ней ухаживаю.

Напомню, что мой отец был торговцем наркотиками и погиб в перестрелке с полицией в горах Уошито, в резервации Оклахомы. Я был на месте его гибели. По странным привычкам племени, к которому он принадлежал, тело было брошено без погребения и, разумеется, давно истлело. Поскольку останки сильно заросли, я, к сожалению, случайно наехал на папин череп колесом джипа и раздавил его. Некоторое время у меня хранились обломки лобной и лакримальной кости, но потом они куда-то затерялись. Отмечу, что на черепе были крайне интересные следы его расклева грифами. Пластиковые черные очки за 50 центов, которые я обнаружил возле черепа, пару лет «поработали» фамильной реликвией, но потом тоже куда-то делись.

Это предельно некорректно.

Почему? Потому что практически всем структурам мозга нет до наших терзаний никакого дела. Им безразличен атеизм, Савонарола и даже носки Эйнштейна.

Они заняты серьезной работой: творят первичную и вторичную мочу, правят пищеварением, регулируют потение, кроветворение и еще примерно 500 различных процессов. И все это – ежесекундно. И не следует кивать на условное отграничение центральной нервной системы от вегетативной. Нервная система едина, ее условное деление на центральную и вегетативную было принято анатомами XVIII века для удобства преподавания.

На долю обеспечения разума остается неустановимо малая часть субстратов. Но для краткости словом «мозг» мы будем обозначать именно их. Это глупо, но удобно.

Лекции 2014–2016 гг

(прочитаны на заседаниях физиологического кружка им. И. П. Павлова и СПБ Анатомического общества, в галерее Эрарта и на других площадках и кафедрах)

№ 1

Как мы уже установили – научное открытие – это прежде всего очень высокая степень безошибочности в оценке того или иного частного явления или свойства.

Теперь пронаблюдаем за тем, передается ли с великих открытий «фактор безошибочности» на все, в чем были уверены наши «великие открыватели».

Начнем с Аристотеля, полагавшего, что метеориты – это «испарения земли, которые поднимаются ввысь, а приближаясь к некой «сфере огня», загораются и падают вни» з. Можно припомнить его же трактовку существования палеонтологических останков: Стагирит объяснял их действиями «подземных подражательных сил, которые копируют происходящее на поверхности».

А вот И. Ньютон полагал, что все сообщения о метеоритах – глупая выдумка, потому что им вообще «неоткуда падать». Также, «на основании сопоставлений астрономических и исторических доказательств» он отстаивал собственное страстное убеждение в том, что возраст Земли не превышает шести тысяч лет.

Ф. Бэкон страстно рассуждал о роли ведьм в погублении посевов, В. М. Бехтерев был поклонником «цветотерапии», У. Гладстон утверждал, что древние греки не различали цвета, а великий Либих был убежден, что дрожжи не являются живой

органикой.

Роберт Бойль требовал, чтобы рудокопы представляли отчет, с какой именно глубины земных толщ начинаются «обиталища демонов», и как выглядят их «гнезда», а Бюффон заявлял, что в Северной Америке эволюция идет медленнее, чем на других континентах.

И. Кеплер утверждал, что кратеры на Луне воздвигнуты лунными жителями, К. Фламмарион был уверен, что на ней существует растительность, а Галилей убеждал, что мысли Кеплера о влиянии Луны на приливы и отливы в морях и океанах Земли – «вздор и ребячество».

Кеплер же был убежден, что цвет – «это вещь совершенно отличная от света, некое качество пребывающее на поверхности непрозрачных тел».

Коперник не сомневался в наличии описанных Птолемеем «хрустальных сфер неба». Он лишь скорректировал египтянина, сократив количество «сфер» с 80 до 34. Это милое заблуждение даже вынесено в заглавие основного труда его жизни – «О вращении небесных сфер».

Лорд Кельвин заявлял, что рентгеновские лучи – это мошенничество, что никакой аэроплан летать не сможет, а в 1900 году выразил уверенность в том, что ничего нового в физике открыть уже нельзя.

Жан-Жозеф Вирей в своем фундаментальном труде «Естественная история человеческого рода» (Париж 1824) утверждал, что негры выделяют пот черного цвета, а Резерфорд, что коммерческое использование атомных процессов невозможно в принципе.

Тихо Браге настаивал на том, что вокруг Солнца вращаются все планеты, кроме Земли, которая остается неподвижной.

Жозеф де Лаланд утверждал, что вероятность полетов на воздушном шаре – пустая фантазия, а Французская Академия Наук в полном составе смеялась над идеей громоотвода. Она же потешалась над дифференциальным исчислением Лейбница, над теорией телеграфа и настолько категорично отрицала существование аэролитов (метеоритов), что требовала их убрать из всех музеев.

Великий Христиан Гюйгенс считал дефицит пеньковых веревок главной проблемой планеты Юпитер. По мнению Гюйгенса – наличие «при нем» четырех лун (тогда было известно лишь четыре спутника Юпитера) неопровержимо свидетельствовало о неспокойности морей этой планеты и, соответственно, о необходимости очень большого количества сверхпрочного такелажа для крепости парусов юпитерианского флота.

Эдвард Кларк (1820–1877) предупреждал, что образованность женщин приводит к «пересыханию» у них матки, а авторитетнейший гинеколог своего времени Джордж Нефейс (1842–1876) убеждал, что мастурбация ведет к слабоумию.

Сэр Артур Кизс возглавлял и организовывал тот почтительный хоровод, который палеоантропология первой половины XX века почти сорок лет водила вокруг останков т. н. «Пилтдаунского человека». (Мы помним, что какой-то весельчак смастерил их из вполне рецентного черепа и обезьяньей мандибулы, затем покрасил бихроматом калия и «вбросил» в научное сообщество под видом древнейшей окаменелости)

А. Сент-Дьердьи учил тому, что белок проводит электричество, хотя на самом деле он является изолятором.

Этот занятый реестр можно продолжать почти до бесконечности:

Лейбниц отвергал Ньютоновские идеи тяготения; Тесла и Маркони уверяли, что получают радиосигналы с Марса; Дарвин страстно проповедовал и разрабатывал нелепую теорию пангенов; Ричард Оуэн не смог обнаружить в мозгу обезьяны гиппокамп; Кювье доказывал, что эволюция это полный вздор; Карл фон Бэр категорично отрицал родственность живых организмов; Эдмунд Галлей полагал, что Земля имеет внутренние шары, тоже окруженные атмосферой, которая, вырываясь наружу, образует полярное сияние; Д. Пристли был убежден в существовании флогистона; Р. Вирхов посмеялся над настоящим черепом неандертальца, сделав авторитетное краниологическое заключение, что он принадлежит не древнему человеку, а русскому казаку-алкоголику XIX века; У. Гопкинс и Ч. Лайель были убеждены в глупости утверждения Л. Агассиса, будто бы лед способен передвигать каменные глыбы и посему предложили даже не обсуждать идею перемещения камней ледниками, как нелепую; А. Везалиус категорически выступал против разделения нервов на двигательные и чувствительные; К. Варолий (Варолиус) утверждал, что именно мозжечок является органом звуковых восприятий; Дальтон был убежден, что в передней

камере его собственного глаза содержится жидкость синего цвета, и что именно эта аномалия обесцвечивает для него картинку мира; Гальвани до конца дней пребывал в уверенности, что открыл «электрический флюид», способный вокрешать мертвые организмы.

Итак, даже на основании этой лаконичной выборки мы видим, что самые блестящие химики, физиологи, физики, геологи, чуть-чуть выйдя за пределы своей узкой компетенции, глубоко ошибались в оценках важнейших явлений и фактов.

(Что еще забавнее, не менее часто они ошибались, оставаясь в пределах той дисциплины, изучению которой посвятили жизнь.)

Зачем мы сейчас перечислили эти смешные и (в той или иной степени) позорные ошибки великолепных ученых?

Исключительно для того, чтобы напомнить, что ошибки остаются ошибками вне зависимости от «высоты», с которой они прозвучали.

Все величие имени Ч. Лайеля не придает никакого веса его заблуждениям о ледниках, а значимость Вирхова не превращает подлинный череп питекантропа в останки русского казака.

Иными словами – мы не вправе придавать гипотезе бога (даже если ею увлечен сам Ньютон или Гюйгенс) больше значения, чем проблеме дефицита пеньковых веревок на Юпитере.

«Гиппокамп Оуэна» и «сигналы с Марса» Маркони – прекрасные примеры того, что глупость, кем бы она не была сказана – глупостью и остается.

А теперь вернемся к вопросу «безошибочности» и подведем итоги.

Говоря о творцах науки, мы говорим о людях, имеющих, образно говоря, ученую степень.

А что такое хорошая, заслуженная ученая степень?

Это, прежде всего, указание на то, что данный человек настолько углубленно занят одним-единственным специфическим вопросом, что просто не может иметь мнения ни по какому другому.

Самые блистательные прозрения в самой важной из наук не спасают от слепоты в столь общем и многосоставном вопросе, как «гипотеза бога».

Впрочем, как и в любом другом.

Разумеется, наука превыше любой «морали», и к ней не применимы ее нормы.

Но, помимо условной «морали», есть и некое «житейское» измерение, где убежденности великих ученых создавали (или могли создать) весьма существенные проблемы, как для других homo, так и для развития вида в целом.

В связи с этим вспомним еще несколько важных фактов.

Открыватель большого круга кровообращения в теле человека, медик У. Гарвей, лично инспектировал кожу узниц Инквизиции, определяя по наличию на ней «меток дьявола» степень связи обвиняемой с Люцифером. В 1633 году от его экспертной оценки зависела жизнь некоей Маргарет Джонсон. Гарвей выявил на ее теле следы «нежных прикосновений сатаны» и барышню, разумеется, сожгли.

Нобелевский лауреат Юлиус фон Яурегг заражал психически больных малярией и туберкулезом, а Альбер Нейссер здоровых людей – сифилисом, чтобы иметь возможность изучить клиническое течение этой болезни. Лавуазье публично жег книги своего оппонента Шталя, а Франклин и Грей использовали детей в весьма болезненных электрофизиологических экспериментах.

Нобелевские лауреаты – Ханс Вильгельм Гейгер, Иоханнес Штарк, Макс Планк и Филипп Ленард добровольно и искренне сотрудничали с режимом Гитлера в деле изготовления германской атомной бомбы. Эрвин Шредингер через открытое письмо, размещенное во всех газетах Австрии и Германии, уверял публику в своем восхищении Адольфом Гитлером и клялся ему в верности.

Конечно же, всех (как и всегда) перещеголял Вернер Гейзенберг.

Его имя полагается произносить «сняв шляпу». И это справедливо. Мы помним, что именно этот человек не только покорил высочайшую интеллектуальную вершину современности – квантовую теорию поля, но и отчасти сам ее выстроил.

И этот же человек был увлечен идеей вооружить III Рейх ядерным оружием. Именно Гейзенберг был автором того реактора, в котором шло обогащение урана для будущих атомных бомб Германии.

С учетом того, куда они могли быть сброшены, и какое количество лабораторий и важнейших научных разработок было бы превращено в пепел – увлечение Гейзенберга, скорее всего, было существенной ошибкой.

№ 2

Быть может, сама личность ученого, с (порой) неотделимой от нее религиозной верой содержит в себе черты, уникальность которых и позволяет сделать вклад в науку?

Напомним, что взаимосвязь личности ученого и его открытия кажется несомненной и общепринятой догмой.

Наилучшим образом эту мысль сформулировал нейрофизиолог, лауретат Нобелевской премии Джон Кэрью Экклз, видевший именно в факте научных открытий лучшее доказательства свободы воли человека и его связи с надмирной силой.

Джеймс Дьюи Уотсон, тоже лауреат Нобелевской премии, соткрыватель структуры ДНК и автор «Молекулярной биология гена», которую по праву можно назвать одной из самых важных книг человечества, полагал, что «Каждый шаг (науки) вперед, а иногда и назад – очень часто событие глубоко личное, в котором главную роль играют человеческие характеры и национальные традиции».(Двойная спираль)

У Уотсона, как видим, роль личности в открытии предельно конкретизирована.

Еще более категоричен другой Нобелевский лауреат – Кристиан де Дюв, который пишет, что «Создание теории – это напряженный творческий процесс, несущий на себе отпечаток личности автора».

Он же характеризует Эйнштейновскую теорию относительности как «отпечаток индивидуальных, личностных черт, свойственных только ее создателю».

На первый взгляд данная точка зрения кажется единственно логичной и возможной.

Но лишь на первый взгляд.

А при соприкосновении с фактами и логикой от этого предположения не остается даже «loci udi» (мокрого места).

Дело в том, что очень многие важнейшие изобретения, принципиальные обнаружения, выявления законов природы и свойств материи были почти синхронно совершены учеными никак не связанными между собой, полностью независимыми друг от друга, разнесенными национально, географически, социально и религиозно.

Приведем краткую подборку фактов; т. е. перечислим те открытия, которые были совершены «независимо» и «одновременно»:

Кавендишем и Кулоном открыт закон притяжения и отталкивания электрических зарядов;

Парацельсом и У. фон Гуттеном заявлено о влияние сифилиса на головной и спинной мозг.

Ж. Жансеном и Локайером – сделан спектральный анализ протуберанцев солнечного диска;

Рамзаем и Лангле выявлены свойства гелия;

Дарвином и Уоллесом – сформулирована теория эволюции;

Адамсом и Леверье – обнаружена планета Нептун;

Маркони и Поповым – изобретено радио;

Опариным и Холдейном – открыты принципы абиогенеза;

Мариоттом и Бойлем – вычислены особенности поведения газов;

Августом Теплером и Вильгельмом Гольцем – изобретена электрофорная машина;

Цезарем Скалигером и Цезальпини Арецио гипотезировано существование кинестезии (мышечно-суставного чувства);

Гей-Люссаком, Жаком Шарлем и Дальтоном – выведен закон объемов;

Фон Герике и Торичелли – определены свойства вакуума;

Ж. Фернелем и П. Форестом опрededелено отравляющее влияние ртути на головной мозг;

Галилеем, де Шезо и Ольберсом – разгадан парадокс черноты вселенной;

Борелли и Жюреном – обнаружены капиллярные явления;

Герцем и Лоджем – зафиксированы электромагнитные волны;

Томсоном, Джермером и Дэвиссоном – расшифрована дифракция электронов;

Ньютоном и Гуком – определен закон обратной пропорциональности квадрату расстояний;

Гюйгенсом и Галилеем – созданы маятниковые часы;

Котуньо и Можанди – выяснена роль ликвора и законы его циркуляции меж желудочками мозга;

Декартом и Снеллиусом – открыт эффект преломления света;

Беннетом и Эанди – смоделирован электроскоп;

Шееле, Пристли и Лавуазье – классифицирован водород;

Мальпигием и Г. Баджливи зафиксирован механизм возникновения гемиплегии;

Майером и Джоулем – понят принцип эквивалентности;

Галилеем и Шейнером – обнаружены пятна на Солнце;

Латуром и Фарадеем – установлено сжижение газов;

Дальтоном и Вольтой – описано поведение паров;

Менделеевым и Мейром – открыт периодический закон;

Вейнбергом и Харди – доказан закон генетического равновесия;

Расселом и Герцшпрунгом – составлены диаграммы-классификаторы звезд;

Мюрреем Гелл-Маном и Дж. Цвейгом – написана квантовая модель элементарных частиц (гипотеза кварков);

Мёбиусом и Листером выведен парадокс «ленты Мёбиуса»;

Лобачевским и Бойяи – разработана гиперболическая геометрия.

Список можно продолжить, но, полагаем, что приведенного достаточно.

Разумеется, наш индекс не безупречен, а по отдельным позициям и дискутивен, но наличие некоей закономерности несомненно.

Есть неясность с авторством «обратного квадрата». Оба его независимых «открывателя» (Гук и Ньютон) так и не смогли допустить, что столь специфическая задача занимала в течении долгого времени кого-то еще и еще кем-то могла быть успешно решена. Гук и Ньютон взаимно обвинили друг друга в плагиате; в 1680 году в Королевском обществе состоялся красивый и обстоятельный скандал, но затем, ознакомившись с черновиками, письмами и разработками друг друга – стороны удивленно примирились. Возможны сомнения и по части первородства открытия эффекта преломления света, но, несмотря на очень тщательное расследование этой истории Лейбницем, Гюйгенсом и многими другими, никаких доказательств того, что Декарту было известно о разработках Снеллиуса так получено и не было. Внимательно изучив список и скрупулезно сопоставив даты, мы также увидим, что открытия не всегда календарно совпадают, год в год, месяц в месяц.

Порой они разнесены годами и десятилетиями. Тем не менее, они остаются сделанными независимо друг от друга, так как более позднему автору не могло быть известно ни о каких работах в этом направлении кого-либо еще. Поясню. Не редкими были случаи, когда открытие сделанное ранее, по разным причинам не было опубликовано, оставалось полностью неизвестным современникам и обнаруживалось в его архивах уже правнуками. Хорошей иллюстрацией служит находка в архивах Г. Кавендиша полной разработки закона отталкивания и притяжения электрических зарядов, которые спустя десятки лет там обнаружил Максвелл. Мы не включили в список многочисленных и тоже почти одновременных изобретателей подзорной трубы, т. е. Д. Б. Порта, Липперсгея, Ф. Мавролика, так как, помимо них у нее было еще очень много «отцов»; а так же «одновременных» авторов калейдоскопа, холодильных установок, воздушного шара, вертолета и пр.

Итак, мы убедились, в том, что ученые, не имеющие меж собой ничего общего ни по воспитанию, ни по образованию, ни по убеждениям, не знакомые между собой – примерно в одно и то же время приходили к одним и тем же выводам по важнейшим вопросам мироздания.

Даже в нашем коротеньком примере – и то смешались модники и мрачные отшельники, пламенные фашисты и унылые русские инженеры, утонченные академики и пивовары, весельчаки и меланхолики, фанатичные христиане и атеисты, убежденные холостяки и примерные главы семейств, плебеи и аристократы, а также – бургомистры, коммунисты, роялисты, пэры, революционеры, настоятели монастырей и дуэлянты.

Перечисленное нами – лишь видимая, официальная часть образов великих ученых.

В большинстве случаев деликатность не позволяла биографам углубляться в некоторые особенности их быта, привычек и наклонностей.

Но мы знаем, что у любого homo имеется очень живописная «оборотная сторона».

И можем обоснованно предположить, что различия меж свершителями одних и тех же открытий были еще разительнее, чем это запечатлено в их официальных житиях. (А нам известно, насколько эти «различия» существенны для формирования мировоззрения и личности.)

Иными словами, мы вполне вправе предположить, что меж фон Герике и Торичелли, Мариоттом и Бойлем, Маркони и Поповым были не просто «разницы», а целые «пропасти».

И тем не менее, они в одно и то же время приходили к одним и тем же выводам. Все личностные, национальные, религиозные, бытовые, политические разницы не играли никакой роли для научного результата.

Но быть может, эта несвязанность открытия и личности присуща лишь относительно локальным прозрениям?

Быть может, самые грандиозные теории все же основаны на неких неповторимых чертах их создателя?

Нет. Как мы можем убедиться – подмеченная нами закономерность распространяется на любые открытия, независимо от их масштаба.

К примеру:

Чарльз Дарвин и Альфред Рассел Уоллес никогда не встречались и не общались. До 1858 года Дарвин понятия не имел о существовании Альфреда Рассела.

Но в июне указанного выше года Уоллес прислал Дарвину набросок статьи «К тенденции независимого возникновения вариаций из оригинальной формы».

Распечатав пакет, потрясенный Дарвин увидел в строках Уоллеса свою собственную теорию, нюансы которой он скрывал до времени даже от столь близких друзей, как Хукер и Лайель.

«Я никогда не видел более поразительного совпадения. Если бы у Уоллеса был мой черновик, написанный в 1842 году, он не смог бы сочинить для него лучшего резюме». (Дарвин о работе Уоллеса)

Разумеется, есть теории не менее глобальные, чем эволюционная.

Это – квантовая, абиогенетическая, относительности, условных рефлексов и генетического кода.

Все они тоже имеют весьма неоднозначное происхождение.

При всем (условном) благоговении перед именами Эйнштейна, Опарина, Павлова, Крика, Шредингера – никого из них нельзя назвать «авторами» данных теорий. (В примитивном и однозначном смысле слова «автор»).

Эйнштейновские открытия могут быть маркированы его именем очень условно. Герман Минковский разработал математическую систему координат, без которой СТО никогда бы не появилась на свет, а Гильберт создал всю математическую основу для Общей Теории относительности. Прямыми соавторами Эйнштейна являются Максвелл, Фицджеральд, Лармор, Лоренц и Пуанкаре. По сути и СТО и ОТО – коллективная работа.

Абиогенетическая концепция, (как мы помним), была независимо разработана Александром Ивановичем Опариным и Джоном Холдейном, которые были очень надежно изолированы друг от друга географией, разностью научных школ и самой банальной политикой. (Т. е. некоторой «закупоренностью» раннего СССР).

Поначалу оба очень болезненно восприняли известие о наличии «конкурента» на другом континенте, но ситуацию (отчасти) спас рыцарственный Холдейн, признавший разработки Опарина более емкими и масштабными, а

соответственно и более значимыми.

Здесь, на примере абиогенеза мы наблюдаем роль чисто внешних факторов. Они надежно ограждали ученых друг от друга.

Но, помимо внешних факторов, были и иные, подчас еще более влиятельные, чем географические и политические границы. Они тоже обеспечивали независимость совершения открытий, даже в том случае, когда ученые находились не просто в переписке, но и в близком научном контакте.

Вероятно, здесь все же следует остановиться и конкретизировать понятие «независимость открытий в науке».

Что же это такое?

Это термин, которым мы маркируем некий высокий научный результат, если к нему пришли ученые, не имеющие возможности заимствовать мысли и идеи друг у друга.

Наилучшую независимость обеспечивает, конечно, полная (в силу любых причин) изоляция исследователей друг от друга.

Но прекрасными изоляторами могут работать также: гордыня, конфликтность, честолюбие и персональный научный вес.

Данная мысль кажется не слишком простой, но ее легко прояснить на примере квантовой теории.

Перечисляя всех, кто был причастен к ее созданию, мы говорим о множестве крупных, своенравных и свободомыслящих персонажей.

Очень разные – Планк, Бор, Дирак, Эйнштейн, Гейзенберг, Шредингер, Резерфорд, Луи де Бройль, фон Нейманн, Паули, Йордан – вместе воздвигли теорию квантов только по той причине, что действительно одинаково видели конструкцию микромира.

Факты не оставляли им ни выбора, ни маневра. Возможно, вопреки их воле. Гарантированно – вопреки их самолюбию.

Абсолютная «независимость» здесь обеспечивалась уже не физической изолированностью, а той адской гордыней, которой в равной степени славились все творцы квантовой теории.

Напомним, что ни для Гейзенберга, ни для Дирака, уже не говоря о Планке, Боре или Эйнштейне, «поводков» чьего-либо авторитета никогда не существовало.

Более того. Каждый из них дорого бы дал за возможность красиво оттоптаться на именитом коллеге, уличив его в ошибке.

(Возможно, это было бы очень деликатное и сострадательное вытирание ног о чей-то авторитет, но оно неминуемо бы было.)

Но…как мы уже отметили, никому из них не было оставлено выбора. Сумма фактов «уперла клинок в горло» каждого из них, приговорив к (почти) абсолютному (почти) единомыслию в квантовом вопросе.

Будем откровенны: мысли об отсутствии жесткой зависимости меж научным открытием и личностью ученого не являются новацией.

В несколько более размытом и призрачном виде (не столь кропотливо сформулированные) они содержатся у Тюрго, Кондорсе, Годвина, Вернадского, Шубина, Мертона и Стиглера.

У Кондорсе и Тюрго они затуманены невыносимым многословием и романтизмом стиля.

Вернадский уже был чуть конкретнее (с поправкой на вообще присущую ему «душноватость» и «заковыристость» изложения).

Он почти «нащупал» существование некоего единого всемирно-исторического процесса познания, мало зависящего от персоналий, личностей и даже от общего «прогресса человеческих обществ».

«Мы выдвигаем независимость основного тона исторического хода научного мышления от исторической обстановки, единство процесса. Очевидно, это имеет место для всего человечества – вне различия государственных организаций, рас, наций, общественных слоев….Изучая историю точного знания, мы ясно видим, как перед нами открывается нечто целое, глубоко связанное тысячью нитей со всей историей человечества.» (Труды по истории науки в России, ч. II гл.1., М.1988)

Наш современник, недурной формулировщик Нил Шубин, опираясь на работы Мертона и Стиглера, весьма буднично подметил, что «многие великие идеи приходили к разным людям практически одновременно» и, что «ни одно научное открытие не названо именем его первооткрывателя… Богатая история открытий – не линейный путь от одного человека к следующему, а продукт социальной среды с бесчисленными предшествующими эпизодами, и в результате, многими авторами. Часто сам изобретатель или первооткрыватель играет менее важную роль, чем среда, которая подготовила открытие, чем то, что так сказать, «витает в воздухе». (Neil Shubin The universe witin 2013)

Все очень просто. Если в помещение закачать иприт, хлор или иной токсичный газ, то не все находящиеся в нем упадут одновременно. Кто-нибудь сделает это первым. Такая же история и с открытиями. Постепенно складываются обстоятельства и плюсуются знания, которые делают открытия неизбежными. Все, как и всегда детерминировано средой, обстоятельствами или их возросшей суммой.

Макс Планк на юбилейном заседании немецкого физического общества сформулировал это с поразительной простотой: «Представьте себе горняка, который с напряжением всех своих сил ведет разведку благородной руды, и которому однажды попадается жила самородного золота. Причем при ближайшем рассмотрении она оказывается бесконечно богаче, чем можно было предполагать заранее. Но! Если бы этот горняк не натолкнулся на жилу, то безусловно, это сделал бы его товарищ.»

А Макс Борн пошел еще чуть дальше, вычислив следующую закономерность: «процесс накопления и приложения знаний как результат деятельности всего человеческого рода в течении длительного времени должен следовать статистическому закону экспоненциалтного роста, и не может быть приостановлен».

№ 3

Мы можем осторожно сделать вывод, что нам нет и не может быть никакого дела до бытовых привычек или личных взглядов того или иного создателя науки.

Все эти слагаемые личности не имеют никакого значения.

Ученый может быть сатанистом, жадиной, онанистом, мотом, ростовщиком, карманником, религиозным фанатиком, педофилом, убийцей, клеветником, завистником, героем, вором, гомосексуалистом, девственником, нормальным развратником, ханжой или кощунником, угрюмым молчуном или блестящим оратором.

Для результата его работы все это имеет не больше значения, чем форма крышки его гроба.

Он может быть самоучкой, как Реомюр, Фаренгейт, Ампер, Лаплас, Дальтон, Кеплер, а может быть аббатом, как Мендель или журналистом, как Энгельс; академиком, как Опарин или солдатом, получившим образование на полях войны, как Ламарк или Декарт; переплетчиком, как Фарадей, школьным учителем, как Циолковский, приказчиком в бакалейной лавке, как Шлиман или профессиональным обитателем лабораторий, как К. С. Лешли.

И это все тоже ничего не значит.

В историю науки все эти персонажи вошли «обнаженными», при входе сбросив сутаны, латы, сюртуки и лабораторные халаты.

Впрочем, как выясняется, дело не ограничилось предметами гардероба. Строго говоря, там же, при входе все они оставили и свои имена.

Дело в том, что в самом открытии мы никогда не найдем примет личности того, кто его совершил. Оно удивительно «безлико» и никак не связано с характером, привычками и взглядами его автора.

Давайте «отвяжем» постижение ДНК от имен Крика, Уотсона, Уилкинса, Франклин, Эвери, Чаргаффа и на несколько минут их просто забудем.

Забудем и трагикомедию, сопутствовавшую пониманию роли и «пространственной конфигурации» дезоксирибонуклеиновой кислоты.

Найдем ли мы в спиралях азотистых оснований или в порядке водородных связей хотя бы отголоски того пикантного факта, что Дж. Уотсон вообще не знал химии, а Ф. Крик не имел никакой научной степени?

Нет.

Увидим ли мы в разгаданной последовательности аденина-тимина-гуанина-цитозина грустную тень О. Т. Эвери или слезы умирающей Франклин?

Опять-таки нет. Не увидим.

А теперь заглянем в окуляр микроскопа.

Есть ли там напоминание о голландском суконщике, который постепенно от кристаллов и стеклянных и шариков, с помощью которых в его цеховой среде было принято инспектировать качество сукна, довел дело до возможности разглядеть движения своих сперматозоидов «собранных после законного соития с г-жой Левенгук»?

Содержится ли там хоть какое-то указание на фасон его шляпы или на то, какому божеству он кланялся по воскресеньям?

Разумеется, нет.

Как видим, все личностное, вкупе с «вопросом о вере» опять дематериализовалось и сгинуло, как не имеющее никакого значения.

Более того, у нас появилась обоснованная уверенность, что между индивидуальностью ученого и его открытием нет вообще никакой связи. Мы могли бы маркировать великие и малые открытия просто цифрами, но под влиянием культуры привязываем их к именам конкретных людей.

Следует признать, что данная традиция является милой, но бессмысленной.

Опять возникает в высшей степени сложный для восприятия образ науки как реальности, живущей по своим законам, где самые великие имена оказываются почти «слепыми исполнителями» закона развития интеллекта.

№ 4

Основой схемы мышления всегда и везде от шаманских практик до христианства был т. н. «трансляционизм».

Что такое «трансляционизм»?

Это представление о мышлении как о мистическом и изначально непостижимом акте.

«Нечто» внутри самого человека выступает лишь как «приемник» чувств, мыслей или желаний, порожденных где-то «вне» этого субстрата. Интенсивность приема этого «сигнала», конечно, колеблется, в зависимости от эпохи и стилистики культа.

Возможен был и вариант полного «внешнего управления» человеком и всеми его действиями без исключения. Так (по всей вероятности) было в эпоху анимистических верований, когда вчерашними животными, освоившими речь и мышление, одушевлялось все, от камней до органов собственного тела.

Эту ситуацию превосходно зафиксировал Дж Фрезер: «Старое представление о дикаре, как о свободнейшем из людей противоречит истине. Он – раб, но раб не какого-то отдельного господина, а раб прошлого, раб духов умерших предков, которые преследуют его от рождения до смерти и правят им железной рукой.»

Со временем интенсивность «приема» внешних команд, вероятно, несколько изменилась. Это произошло, когда хаос первобытных духов (игрушкой которых был homo) условно разделился на «злых» и «добрых».

Позже эти группы слились в два конфликтующих начала и затеяли вечную баталию из-за власти над человеком и других соблазнительных мелочей. Соответственно, каждая сторона интенсивно транслировала homo «хорошие» и «плохие» мысли, поступки и желания.

Ассортимент божеств и духов был достаточно широк, а их влияние на человека безгранично.

Вне зависимости от основного амплуа им всем была присуща склочность, мстительность, похоть, апломб, подозрительность, гневливость, интриганство, авторитаризм и кровожадность.

Это определило традиции поведения послушного им человека, весьма органично узаконив те качества, что homo приобрел за миллионы лет своего «омерзительного» (по выражению Дарвина) дикарства.

Это, конечно, очень грубая схема первоначального развития религии, но в любом случае мышление воспринималось как ниспосланная инструкция, а не как самостоятельный процесс в мозге. Именно такие трансляции руководили поступками святых, пророчествами оракулов, подвигами героев, экстатикой шаманов.

Достаточно посмотреть на этимологию слова «вдохновение», которое имеет более точный латинский аналог «inspiratio», т. е. «духовхождение».

Здесь (попутно) возникает вопрос о «свободе воли» и ее роли в мышлении.

Как мы только что установили, некоторое время homo жил в режиме какофонии взаимоисключающих приказов, получаемых им от богов и духов.

Это создавало логичную, но не вполне рентабельную ситуацию, так как не мог заработать основной (и самый доходный) религиозный механизм: обвинения, покаяния, очищения и примирения с божеством. Жречество маялось в понятной тоске: у него не было возможности обвинить самого человека в совершаемых им пакостях и прегрешениях.

Жертвы богам и духам, конечно, приносились, но это было сущим пустяком по сравнению с тем, что могло бы дать религиям чувство постоянной вины каждого индивидуума.

Хозяева культов, вероятно, понимали, что потенциал «рынка персональной вины» в тысячи раз превосходит доходность любых гекатомб и всесожжений.

Но! Роль самого человека по-прежнему оставалась ничтожной.

За все его неверные действия следовало карать не его самого, а трансляторов преступных инструкций, т. е. духов и богов, а эти персонажи, разумеется, были не наказуемы.

С диктатурой духов надо было кончать.

Прежде всего, для того, чтобы установить персональную ответственность человека и начать нормально зарабатывать на ситуации.

Авраамические культы сообразили это первыми и радикально сократили штат богов.

От всего сонма был оставлен лишь верховный дух, которому перешли полномочия «хороших» сокращенцев и его основной противник, вобравший все качества «плохих».

Между ними был, как-то втиснут человек, для которого оговорили «некоторую независимость от бога в некоторых вопросах». Ее-то и нарекли «свободой воли».

Это была гениальная выдумка.

Именно она впоследствии обеспечила финансовое величие христианства. Человек, наконец, получил на поле духовности статус игрока, а не игрушки. Теперь его можно было постоянно обвинять – а следовательно – и постоянно принимать от него искупительные жертвы.

Впрочем, «свобода воли» не предполагала способности к самостоятельному мышлению. Она лишь позволяла сделать выбор между различными

трансляторами.

Превосходной иллюстрацией трансляционизма являются «Илиада» и Ветхий Завет.

Наиболее хладнокровными исследователям «Илиады» давно было подмечено своеобразие ее героев. По мнению Дж. Джейнса – герои гомеровского эпоса «лишены сознания». Разумеется, «это не означает, что они спят или находятся в обмороке, но у них нет никакой внутренней жизни в нашем понимании». «Они не мыслят, не оценивают мир, не принимают решений» (J. James, The Origins of consciusness in the bicameral mind 1976).

Вероятно, мы опять имеем дело с терминологической неопределенностью.

Джейнс называет «сознанием» значительно более сложное явление, традиционно путая банальную сумму рецепторных «докладов» мозгу с мышлением.

Но в одном он, несомненно, прав. Персонажи Гомера начисто лишены какой-либо самостоятельности, все они – от Ахилла до Одиссея марионетки капризных богов, руководящих не только их поступками, но и мыслями.

В Ветхом Завете (кстати, ровеснике «Илиады») центральным действующим лицам свобода оставлена лишь в самых примитивных проявлениях. В принципиальных же вопросах они полностью управляются божеством, которое диктует им их мысли. (Исх.19-6, Второзаконие 7-17, 2-ая Царств 15–34, Исход 4-22, Левит 1–2, Числа 5–6, Иер. 1-17 et cetera.)

Чуть позже эти взаимоотношения божества и человека весьма поэтично сформулирует апостол Павел в «Послании к евреям» Здесь уже через него, как через ретранслятор, верховный дух сообщает: «Вложу законы мои в мысли их и напишу их на сердцах их».

Со множеством вариаций, но подобная картина повторялась во всех религиях.

Можно заглянуть в любую страну, в любую эпоху – и везде все эталоны миропознания, все высокие образчики мыслей и чувств являют собой чистейший

трансляционизм «божественного» происхождения.

Примеры Августина, Волхвов, Ноя, Кассандры, Лютера, Кришны, Друидов, Иова, Рамы, Иоанна Богослова, жрецов Дельфийского храма, Моисея, апостолов, Саргуна, Ишвара, Брахмана, Вишну, Рамы, Шивы, Ниргуна, Гильгамеша, Авалокитешвары и пр. доказывают, что все мало-мальски достойное и просветленное в мыслях человека – есть плод некой трансляции, принять которую тот был удостоен в соотвествии со своей избранностью и волей «транслятора».

«Греховные и грязные» мысли и чувства оставались в компетенции демонов, дьявола, чертей, злых духов, бесов, суккубов, или богов с отрицательным амплуа, вроде Аримана, Люцифера, Кали, Апопа, Фурий, Сета, Локи, Ангро-Майнью, Эриний, Гейрреда et cetera.

Каким именно образом свершались трансляции обеих типов и где именно в организме homo располагается «приемник» религиозное знание не уточняет. Исключением является лишь изящная формулировка немецких гуманистов XV века Якоба Шпенглера и Генриха Институриса в их труде «Malleus maleficarum» (1487 г.)

«Если спрашивается, каким образом дьявол может производить такую иллюзию чувств, не причиняя боли в голове, то ответ легок. Во-первых дьявол не дробит органов и не меняет их сущности, а лишь приводит в движение образы».

Идея трансляционизма жива и по сей день.

Подхваченная у схоластов, но несколько неуклюже развитая в середине XX века православным святым Войно-Ясенецким, в XXI веке она красиво трансформировалась в научную концепцию, имеющую множество сторонников.

В 2007 году была опубликована сенсационная книга П. Ван Ломелла «Бесконечное сознание: Научный взгляд на околосмертные состояния». Основной мыслью данного труда является то, что «сознание присутствует во всей вселенной» как радиоволны, а мозг способен их улавливать, «как радиоприемник ловит ту или иную программу».

№ 5

Современная антропология тоже не годится нам в Вергилии, так как давно утратила всякие черты научной дисциплины.

Будучи очень соблазнительным местом обитания различных «идей» о человеке, она за последние 50 лет контаминировалась психологией, философией, метафизикой и откровенной беллетристикой.

Радикальные изменения, «внутренние революции», разумеется, возможны в любой области науки.

Причины таких метаморфоз бывают различны. Чаще всего это происходит под влиянием новооткрывшихся фактов и обстоятельств.

Но возможен и вариант, когда объем накопленного материала становится так велик, что самим фактом изменения своих размеров меняет устоявшиеся смыслы и трактовки.

(Тут возможна осторожная аналогия с эффектом «критической массы», когда определенное количество вещества может находиться в состоянии стабильности, а уже чуть большее – вступает в разрушительную реакцию само с собой, как это неизбежно происходит с 235-U, 239 Pu.)

Но в данном случае роковое влияние на дисциплину оказали не новые открытия и выводы, а именно стороннее влияние.

Отчасти здесь повторилась та же самая ситуации, о которой мы говорили в шестой лекции.

Напомню, что к концу XX века сама наука о мозге оказалась очень существенно загрязнена (контаминирована) психологией и метафизикой.

Начиная с 70-х годов примесь этих практик становилась с каждым годом все больше и влиятельнее.

Со временем именно эта примесь стала существенно искажать реальную картину представлений о работе головного мозга.

Именно она попыталась порвать связь нейрофизиологии с принципами эволюционистики, сравнительной анатомии и общей физиологии. Она же привнесла зыбкость и подменила фантазиями строгую фактологию.

Наука о мозге, впрочем, была в гораздо лучшем положении, чем антропология.

В ее основе находится физиология ЦНС. Это крепкая, боевая, и что очень важно – бескомпромиссная дисциплина. Она презирает домыслы и легко самоочищается, бракуя все то, что не имеет экспериментального фундамента.

Более того – в самой традиции этой науки содержится противоядие от философии и психологии. Как мы помним, его превосходно сформулировали Сеченов, Брока, Павлов и Клод Бернар.

Благодаря двум этим факторам, очистка нейрофизиологии от «паразитов» является, в принципе, возможной.

С антропологией ситуация иная.

Она почти не имеет доказательной базы, ее эмпирическая основа (кроме антропометрии) крайне мала.

Ее основоположники занимались в основном накопительством материала. Иногда – его поверхностной структуризацией.

Они не успели выработать для своей дисциплины правил выживания и безопасности. Посему различным паразитическим практикам оказалось чрезвычайно легко «подмять» под себя антропологию.

Технология «подмятия» не имеет отношения к нашей работе, поэтому очертим ее предельно кратко.

Легко заметить, что философия, (последнее время пребывающая в некоторой праздности), от скуки флиртует с молодыми и неопытными научными

дисциплинами и очень легко их «совращает».

Это не удивительно, если принять во внимание ее опыт и богатство методик. Соблазнив и заразив очередную «несчастную дурочку» всеми своими болезнями, она, как правило, бросает ее, напоследок, небрежно, указав путь в никуда.

Занятно, что антропология и направилась именно туда, куда ей указано было философией. На этом пути она стала легкой добычей метафизических многозначительностей и «высоких надломов».

Ознакомление с ней теперь обязательно включает изучение терзаний множества авторов, объединенных незнанием азов физиологии и теории эволюции, но упорно ищущих корни своих недоумений в других, весьма возвышенных факторах.

Колоссальные накопления антропологических материалов XIX и самого начала XX века, конечно, никуда не делись и остаются в нашем полном распоряжении.

(Правда сегодня эполеты высокой науки с них сорваны и они переведены из «высокого измерения» антропологии в этнографию. Отметим, что никакой отчетливой смысловой демаркационной линии меж этими дисциплинами нет и никогда не было. Только терминологическая.)

Но!

Они основательно погрызены огромными стаями «новых антропологов», отчего потеряли свой «товарный вид».

Мы знаем, что любые грызуны, искусав и запачкав, сообщают попорченной фактуре еще и свой аромат. Классическая антропология не стала исключением из этого правила. Она пропахла примитивной мистикой и многозначительностью.

Сегодня это уже не ясность Леви-Брюля, Фрезера, Спенсера, Тейлора, Дюркгейма, Ратцеля и Ранке.

Это даже не «переходный» Малиновский.

Это, увы, – Шелер, Плесснер, Гелен, Эван-Причардс, Беккер, Леви-Стросс et cetera, переформатировавшие антропологию в истероидную, полуфантазийную дисциплину, рождающую только карликовые и декоративные идеи.

На смену легкости и точности Тэйлора, Летурно и Леви-Брюля, на смену отчетливому видению развития человека пришли терзания и фантазии: «Никогда раньше представления о сущности и происхождении человека не были более сомнительными, неопределенными и разнородными, чем в наше время» (Шелер 1929).

Начиная с 30-х годов в антропологии, по признанию К. Кестлина (1967) происходит «распад очевидностей». Ему вторит другой вынашиватель весьма экзотических идей – Эйкен (1922): «Многое, из того, что что прежде считалось очевидным, стало теперь трудной, вряд-ли разрешимой проблемой.»

Как видим – сегодня в антропологии все пропитано «мышиным запахом» самокопания и надуманных драм.

А случилось это по причине исключительно сильной загрязненности антропологии теми веяниями, что декларируют «непостижимость человека» (Плесснер) и независимость его мозга от общеэволюционного процесса.

Отметим, что практически все существенные задачи, стоявшие перед антропологией, как наукой – так и остались не решенными.

№ 6

Впрочем, чаще всего обязанности «приема» инструкций возлагались не на какие-то конкретные органы, а непосредственно на саму «душу».

По поводу ее дислокации, а также формы, объема, цвета и веса у культов, разумеется, нет единого мнения.

Папуасы, кафры и библейские евреи поселяли ее в крови.

Тасманийцы, бушмены и православные философы определили местом ее обитания сердце.

Тот факт, что при ортотопической пересадке этого органа, как правило, никаких изменений личности не происходит, сторонники сердечной версии (кардиоцентризма) никак не комментируют.

Племена Овамбо (зап. Африка), Платон и эскимосы располагали душу в груди и печени, а платоники обнаружили еще одну (добавочную) таящуюся в пояснично-крестцовом отделе.

С.и В. Кирлианы, а также парапсихологи из UCLA (Калифорнийского университета) в 1955–1960 гг. фотографируя различные «ауры» и по месту концентрации их свечения определяя локализацию души – опровергли идеи Платона и эскимосов. По их наблюдениям душа не имеет постоянного места в организме, а располагается вокруг него в виде светящегося контура, заметного только парапсихологам.

По мнению древних лангобардов душа, имеющая вид змеи обитает в кишечнике, а у коряков ее можно наблюдать на макушке, в виде небольшого огонька.

С коряками солидарен А. Гудспид, профессор университета Темпла в Филадельфии, который несколько лет подряд с помощью рентгеновского аппарата пытался запечатлеть душу именно в районе теменной кости черепа. Изыскания Гудспида получили признание и известность благодаря множеству публикаций, прежде всего очень оптимистичной статье «К вопросу о фотографировании души», размещенной в «New York Times» 24 июля 1911 года.

Древние гренландцы воспринимали душу, как обязательную, но легко заменяемую деталь. Они были уверены, что душу больного человека хороший колдун легко может заменить «свежей», исправной душой зайца, тюленя или ребенка.

Русские крестьяне (до начала XX века), фиджийцы, готтентоты и цейлонские вейдахи были убеждены, что душа постоянно перемещается по организму, а увидеть ее можно только в тот момент, когда она покидает тело. В этом случае она принимает вид пара или «малого дымца».

Идея «дымца» была поддержана и тщательно разработана голландскими физиками Д. Матле и Д. Заалберг в их труде «Mystere de la mort» (1948). Физики даже создали специальный улавливатель, снабженный большим количеством индикаторов, сообщающих об объеме попавшей в аппарат души. Ради справедливости отметим, что они не были новаторами. Еще в XIX столетии шаманы приморских даяков, привязывая к пальцам рук рыболовные крючки, умели ловить отлетающую душу; а у народности гайда колдуны использовали большую полую кость, в которую закупоривали заблудившиеся души, чтобы при случае продать их бывшим владельцам или тем, кто пожелает приобрести еще одну, запасную. Была ли кость снабжена индикаторами – осталось неизвестным.

Рене Декарт точкой локализации души назначил эпифиз (corpus pineale). «Часть тела, в которой душа, по-моему непосредственно выполняет свои функции – никоим образом не сердце и не весь мозг, а только часть его, расположенная глубже всех; это известная, очень маленькая железа, расположенная посреди его вещества» (Декарт).

Трудно сказать, чем именно вдохновила Декарта малюсенькая шишковидная железа, уютно расположившаяся меж верхними холмиками квадригеминуса, над самым талямусом. Возможно, своей кажущейся «центральностью» расположения – и (на тот момент) неясностью ее функции.

Безупречной логикой в вопросе душеразмещения в организме блещут чукчи, справедливо предполагая, что душа руки – размещается в руке, а душа живота – в пупковой области и т. д. (Вспомним, что у них в почти полной неприкосновенности сохранились анцестральные представления о том, что каждая часть тела имеет свою собственную душу.)

Чукчи не одиноки.

Индейцы лакота и минеконжу убеждены в том, что человек имеет, как минимум четыре души; африканские племена йоруба и бамбара убеждены в наличии трех душ; по мнению древних египтян она разделена на автономные части (Ба, Акба, Ка, и К-аба); а вот у мудрых нивхов количество душ определяется состоятельностью homo.

Зулусы и дагомейцы свершают ритуал «собирания души», которая по их мнению, рассредоточена по организму: «Преемник умершего отрезает с трупа часть его

половых органов, разрезает на куски левую руку, рассекает нижнюю губу и вырезает с середины лба кусок кожи. Все это он коптит на огне, а потом зашивает в мешочки разной величины» (Б. Оля). Отметим что собирают только души жрецов; процедура занимает несколько дней и требует постоянного вокального сопровождения и барабанного боя. Если в период копчения ритм барабанов был выдержан правильно, то душе обеспечен практически неограниченный срок хранения.

Касательно цвета и запаха души данных нет, а вот ее вес – долгое время был предметом весьма серьезного обсуждения.

В 1901–1907 гг. в Дорчестере, некто Дуглас МакДугалл (вполне респектабельный гомеопат) взвешивал своих пациентов в момент их смерти (и соответственно, исхода души). Разница меж предсмертным и посмертным весом пациентов равнялась примерно 21 грамму. В 2000 году в Орегоне овцевод Льюис Холландер из чисто научного интереса умертвил на весах несколько овец. В этом случае разница составила от 300 до 780 граммов, причем посмертный вес был больше предсмертного.

В 1998 году Дональд Карпентер предпринял исследование, результатом которого стал труд «Physically weigning the soul». В нем подробно описаны эксперименты с множеством собачьих и мышиных смертей, размещено множество графиков и таблиц, но все выводы по неведомой причине касаются веса души у эльфов. Последнее обстоятельство чуть-чуть обесценило научную ценность работы Карпентера, но разумеется, только для грубых материалистов.

Множественность версий о цвете, форме, количестве и дислокации «сверхъестественного начала» легко объясняется разным уровнем развитости религиозного знания.

Подлинное состояние дел в этом деликатном вопросе остается до сих пор неведомым.

Нам трудно судить, кто именно понимает его лучше. Эскимосы и Платон, или тасманийские колдуны и Бердяев.

Впрочем, это не так важно.

Важно то, что людей в перьях, тогах, цилиндрах, кухлянках, митрах, зипунах и белых халатах – объединяет твердая уверенность в наличии души.

Мы можем наблюдать парадоксальное сходство взглядов.

Оно роднит папуаса, чьи ноздри украшены продетой сквозь них костью казуара и русского философа в лакированных штиблетах с двадцатью пуговками.

Несомненно, это впечатляет.

Но основные аргументы религиозного знания находятся в еще более эффектной плоскости, там, где паранормальное, презрев все законы физики, окончательно прорывается сквозь «тленные оболочки».

№ 7

В истории есть множество фигур, блеснувших демонстрацией своих паранормальных способностей, но наилучшим примером будет персона основателя христианского культа.

Почему?

Дело даже не в том, что на использовании этого бренда были сделаны самые значительные состояния и создана самая масштабная тоталитарная идеология, заставившая миллионы homo на протяжении двадцати веков «засыпать и просыпаться с именем Иисуса Христа».

Для выбора именно этого имени есть более веская причина.

А именно – удобство.

Во всей фиксированной истории невозможно найти образ, который был бы столь же вторичным и собирательным.

Дело в том, что евангельский миф целиком и полностью слеплен из черт, свойств, событий, трагедий, обрывков «биографий» множества богов античного мира (самого плодовитого по части богопроизводства).

Исключительная ценность Евангелий – в их абсолютной компилятивности.

В судьбе Иисуса (как в матрешке) заключены драмы и судьбы Озириса, Таммуза, Диониса, Адониса, Мардука, Аттиса, Кришны, Митры и множества других божеств и духов.

Беззастенчивость, с которой «биография» христианского бога сшивалась из обрывков полузадушенных магий и мертвых культов можно извинить, как поспешностью, с которой создавалось новое верование, так и необходимостью набрать хоть какую-нибудь биографическую фактуру для нового божества.

Присмотримся.

От ассиро-вавилонского Мардука евангельскому Иисусу досталась шутовская коронация, багряница, избиения, терновый венец, казнь, спасение своего народа от гнева злых духов ценой своей жизни, стражники при гробнице, разбегающиеся в ужасе при виде воскресшего мертвеца и даже въезд в город на ослике.

От финикийского Адониса и фракийского Диониса – вся история со сброшенными погребальными пеленами, хождение по воде, пещера-гроб, а также некоторые нюансы воскресения.

От фригийского Аттиса – водяное «крещение», превращение воды в вино, трехдневный срок пребывания в смерти перед воскресением, прощальная «тайная» вечеря с учениками и «причастие».

От греческого Асклепия – способы исцеления слепца при помощи намазывания ему век слюной.

От Гора, Диониса и Гермеса – рождение в хлеву.

От Митры, Гора и Кришны – пастухи или звездочеты – волхвы, навестившие новорожденного бога в «вертепе», рождественская «звезда», преподнесение ему «звездочетами» неких пророческих подарков, история с избиением младенцев и бегством.

(Известно, что когда Кришна родился, его дядя Канса, боящийся за свой престол, повелел убить вообще всех недавно родившихся мальчиков.)

У евангельской истории про избиение младенцев и бегство есть множество ранних двойников: это история о матери Апполона – Латоне, скрывавшей сына от Пифона; миф об Изиде, вынужденной бежать с новорожденным Гором, спасаясь от Сета; легенды о Саргоне, Персее, Ромуле и Реме, маленьком Кире, и т. д. Вероятно, именно этот мотив был одним из самых конъюнктурных в ту эпоху.

Отметим, что все без исключения упомянутые боги были непорочно зачаты, родились в пещере или в хлеву от матерей девственниц; всем им демон или злой дух предлагал богатство и власть; все умели ходить по воде, летать и исцелять; все умерли во «искупление» чего-нибудь, (а не просто так), и все, разумеется, воскресли.

Некоторые мелкие нюансы и подробности евангельского сюжета заимствованы из мрачных повествований об Озирисе и Таммузе, а также из историй богов и героев как греческого, так и других пантеонов.

Отметим, что в повествования о Христе искусно вплетены и реалистические детали, заимствованные из крайне популярных свидетельств о принесении отцами в жертву собственных сыновей. Древняя история была богата такого рода прецедентами. Достаточно вспомнить очаровавшие драматизмом античную публику поступки карфагенца Малея, повесившего своего сына Карталона во имя военной удачи; Гамилькара, заклавшего сына (тоже во имя победы); осажденных в Трите финикиян, приносивших во имя искупления своего народа лучшего из мальчиков и т. д.

Вполне возможно, что необходимость вживить новое божество в экзотическую древнееврейскую среду заставила снабдить легенду об Иисусе несколькими оригинальными «местными» эпизодами, припудрить колоритом конкретной эпохи и дополнить текстами, связывающими ее с более ранним фольклорным пластом Ветхого Завета.

Маловероятно то, что в евангельский текст были врезаны какие-то совсем новационные мотивы.

Мы знаем, что даже ее «моральная» часть целиком плагиатирована из египетских и митраистских источников, а факт «вознесения» это всего лишь апофеоз старой доброй левитации, описанной еще Лукианом в его рассказе о «гиперборейских фокусниках».

В новациях, кстати, никакой необходимости и не было.

На примере сравнений текстов Ветхого Завета с другими фольклорными памятниками того времени Дж. Фрезер в своем труде «Фольклор в Ветхом Завете» доказал, что практически все тексты Библии не являются самостоятельными и оригинальными.

В начале уже нашего столетия был сделан фундаментальный и весьма современный анализ библейских и евангельских текстов. Несмотря на то, что основной его целью было доказательство подлогов авторства текста, он в общем и целом подтверждает и часть выводов Фрезера о заимствованной сюжетике. Я имею в виду работу Барта Эрмана «Великий обман, научный взгляд на авторство священных текстов» (2011)

Более того, Фрезер очень понятно объяснил, что оригинальность ценилась значительно меньше, чем хорошая аранжировка «бродячих сюжетов».

Нет никаких оснований предполагать, что и компиляторы евангелий были склонны к лишнему фантазерству.

Они тоже, судя по всему, неплохо знали рынок религиозных текстов и вкусы публики, которая легче усваивала знакомые с детства фольклорные мотивы, чем какие-либо новации.

Даже само название «евангелия» – пример типичной конъюнктуры. Именно так именовались в Риме очень понятные и популярные сообщения о днях рождения императоров.* (OGIS,458,II,40 сл), а ходовым этот термин являлся еще с Гомера (Одиссея, XIV – 152 и 156)

Это свойство евангелий кому-то может показаться существенным недостатком.

Но на самом деле оно является огромным достоинством.

Собрав все паранормальные прецеденты древности «под одной обложкой», оно избавляет нас от необходимости разбираться с каждым божеством по отдельности.

Как творение Франкенштейна несло морфологические особенности тех людей, из останков которых доктор создал своего гомункулуса, так и Христос, «сшитый» из всех богов и духов античности, являет собой превосходный образчик самой изощренной, драматической и многогранной мистики.

Компилятивное происхождение евангелий придает им еще больший вес, так как аккумулирует почти всю систему религиозных знаний целого тысячелетия.

Христианская теология без всякой натуги нашла объяснение этих совпадений. По мнению Тертуллиана и прочих «отцов церкви», разумеется это «козни дьявола и демонов». «Для того, чтобы осмеять Христа и заставить людей считать, что христиане лишь копируют веру в языческих богов, демоны стали вдохновителями мифологии. Демонам было заранее известно, чему будут учить христиане и поэтому они измыслили сходные мифы и обряды», и коварно разыграли их до евангельских событий. (Дж. Барт. Рассел. Сатана: восприятие зла в ранней хр. традиции. 1981)

Для нас не принципиально, кто именно, Иисус или Таммуз облачался в «багряницу»; как конкретно звали бога, который первым предложил есть его мясо и пить кровь для магического воссоединения с ним; какое из божеств, финикийское, фракийское или фригийское ввело традицию обязательного хождения бога по воде.

Понятно, что каждое из упомянутых божеств тоже не было самостоятельно и оригинально. Аттис, Дионис, Митра, Озирис и пр., тоже в свою очередь «сделаны» из элементов своих предшественников, богов еще более ранних, и вероятно, более примитивных, родословия которых уходят к духам неолита.

Разумеется, у любого божества есть свой «срок годности». Иногда он заканчивается вместе с особенностями века, который его породил и

культивировал, иногда божество естественным образом утрачивает кредит доверия и аннулируется.

А новая эпоха рвет просроченных богов на лоскутья, чтобы сшить из них что-нибудь модное и новенькое.

Евангелия в этом смысле являются прекрасным материалом для доброжелательного и беспристрастного анализа, так как именно в «итоговом» имени (И. Христа) заключена вся религиозная система огромной и очень важной эпохи.

К слову. Нам и не оставлено выбора. Ранние христиане так усердно заметали следы происхождения своего культа, что уничтожили почти все дохристианские источники. Конечно, кое-что осталось. Это сегодня позволяет воссоздать общую картину античной мистики, но работать с весьма дробными и разрозненными свидетельствами о Дионисе, Аттисе и Митре, и т. д. было бы очень сложно.

№ 8

Евангельские события никогда бы не были замечены, если бы не их сверхъестественная составляющая, т. е: воскресение, как самого божества, так и других мертвецов, чудесные исцеления от намазывания слюной, шествия зомби по Иерусалиму, непорочное зачатие, хождение по поверхности воды и пр.

Сами по себе «приключения раввина в эпоху второго храма», (пусть и крайне драматические), остались бы никому не известным и не интересным эпизодом.

Вспомним, что иудейская история «века Иисуса» отличается крайней экзальтированностью всех ее участников, высочайшим градусом религиозного фанатизма, постоянными восстаниями, казнями, штурмами и распятиями.

Очень небольшой временной отрезок вмещает такое количество лиц, трагедий, событий, страстей и смертей, что иному государству хватило бы на пару тысяч лет.

Зажигающие народ религиозно-национальные лидеры исчисляются десятками; до сих пор неясно, как такое количество персонажей, сочетавших в себе ораторские таланты с дикой воинской отвагой и невероятным свободолюбием могло разместиться в тесном временном пространстве 50–70 лет?

Ведь Иудея I века – это «жгучая», квазирелигиозная субстанция, способная без следа растворить в себе практически любую судьбу, любую локальную драму.

Побития камнями, удавления, утопления, демарши проповедников, распятия фанатиков и смутьянов были ежедневной реальностью, смыслом и содержанием общественных процессов.

На всякий случай напомним.

I век нашей эры – это:

Захват и осада крепости Масада, где (примерно) тысяча древних евреев, вдохновляемых верой и ненавистью совершила добровольное взаимоубийство во имя «бога, Израиля и свободы».

Мессиями там позиционировали себя даже пятилетние дети, погибшие вместе с отцами. Эта история масштабнее и трагичнее «евангельской», но мир она не завоевала и вне радикально-националистических групп в Израиле осталась практически неизвестной.

Это кровавые войны фарисеев и саддукеев, втянувшие в себя все взрослое население и породившие десятки мучеников за точность толкования «Закона Авраама, Исаака и Иакова».

Это время профессиональных мессий, «пророков-вожаков»: Елеазара-бен-Йайра и Елеазара-бен-Шимона, Менахема, Шиимона-бар-Гиора, Ионафана из Гушкаллы, Иуды Галилеянина, Баар-Кохбы, Иоанна Гискальского, Анны и Иисуса Иерусалимских, Симона Арисского et cetera.

Это век тайной боевой секты сикариев, резавших всякого, кто не демонстрировал ненависти к Риму – и за это распинаемых легионерами Гессия Флора вдоль всех дорог.

Это ежедневные, в каждом городе, городке, в каждой деревне, при каждой синагоге – стоголосые диспуты зелотов и саддукеев, переходящие в кровавые потасовки.

Это век окровавленной бронзы римских легионов, крушащих то Иотапату, то Гамлу, то Иерусалимский храм.

Это время секты ессеев, основавших целые города отшельников, где они изобретали тысячи способов «мертвления своей плоти».

Это, наконец, времена, когда при штурме Иерусалима Титом были распяты только для «потехи и устрашения» тысячи, а Иерусалимские стены снесены.

На этом, весьма живописном фоне, в том числе «среди огромной армии мучеников, выдававших себя за богов» (Фрезер) выделиться и запомниться было чрезвычайно сложно.

Все реплики, репризы и монологи Иисуса, все его «заповеди и проповеди», вероятно, не произвели бы впечатления даже на его ближайших родственников, не говоря уже о потомках.

Цену и смысл всем словам очередного машиаха придали только те паранормальные явления, которые их сопровождали.

Не случайно составители евангелий делают такой решительный акцент именно на сверхъестественной составляющей приключений раввина Иисуса.

Не случайно «воскресение», т. е. резко паранормальный факт восстановления всех физиологических функций у захороненного покойника положено в саму основу христианского верования и тщательно культивируется церковью.

Она же настаивает на безусловной, безоговорочной подлинности и всех остальных 38 чудес, описанных в евангелии.

Мы не будем анализировать саму евангельскую историю – она не имеет к теме настоящего исследования никакого отношения.

Мы говорим лишь о пропорции паранормального и нормального в этом сюжете, который является превосходным концентратом магизма.

Как мы знаем, он начался с того, что очень свирепое божество древних евреев (Иегова), известное уничтожением целых городов, насыланием эпидемий, болезней, катаклизмов, а также утоплением практически всего населения земли через устроение «потопа», неким необъясненным способом (вероятно, минуя влагалище, фаллопиевы трубы и воронку) вселилось в матку еврейской девочки и зачем то провело там нормативные девять месяцев пренатального периода.

По всей вероятности, (хотя на это нет никаких указаний в евангелии) Иегова вынужден был пройти все полагающиеся стадии эмбриогенеза, так как иначе он не смог бы разместиться в матке без причинения серьезного вреда репродуктивной системе девочки, а главное, не смог бы по истечении срока утробного плодоношения выйти из нее родовыми путями, их не разрушив.

Родившись обычным порядком, божество получило новое «земное» имя – Иисус, а спустя какое-то время приобрело профессию раввина, т. е. учителя и проповедника, наделенного правом проповедывать в синагогах (евангельские примеры).

Судя по всему, отчаявшись перевоспитать древних евреев с помощью потопов, огненных дождей и массовых убийств оно решило вразумить их личным исполнением нотаций о любви к ближнему (очень предусмотрительно не конкретизировав, кто этим «ближним» является, а кто нет).

Далее разыгрывается драма типичная для того экзальтированного времени: пиры, предательства, проповеди, блудницы, легионеры, и несколько хаотичные марширады от одного древнееврейского села до другого.

В итоге – всесильное и принципиально бессмертное божество, разыграло перед врагами и поклонниками спектакль собственной смерти, хотя умереть не могло никак и не при каких условиях в силу того, что являлось всемогущим и бессмертным богом, создателем и управителем всего мира (Или же его некоей неотделяемой и единосущной частью).

По истечении небольшого срока уже похороненное божество, разумеется, ожило и в полном здравии предстало перед публикой, после чего, считая свою миссию

оконченной, «вознеслось».

О вознесении, т. е. (по всей вероятности) о вертикальном взлете мы не имеем вообще никаких данных.

Евангелия скупо констатируют сам факт «взлета», ни единым словом не конкретизируя скорости божества, его траектории, направления и других параметров полета.

Никак не оценивая эту запутанную мифологему, не пытаясь искать в ней смысл или логику, мы вновь отмечаем, что именно паранормальная составляющая является в ней принципиальной доминантой.

Основой евангельского сюжета является восхитительная легкость, с которой главный герой нарушает законы физики, химии и физиологии.

Это в высшей степени традиционная схема, унаследованная христианством от всех тех культов, из которых оно было сконструировано.

«Просроченность» богов, послуживших набором деталей для новой религии, никакой роли не играет, т. к. умирают лишь их имена, а магическая компонента переходит от культа к культу в относительной целостности.

Все что говорило божество и все, что культ говорит от его имени всегда имеет особую ценность именно потому, что было подтверждено сверхъестественными событиями и явлениями.

Именно это и ничто другое придает репликам Иисуса (как и любого другого бога) вес и значимость.

Здесь мы вновь видим, что все суждения религий о природе мышления и сознания (как и о любых других вопросах) приобретают свой вес лишь в комплекте с набором паранормальных явлений. Нам предстоит понять: есть ли хоть какие-то основания говорить о том, что такие явления происходили в реальности?

Тут возникает существенная проблема.

На первый взгляд мы лишены возможности проверить природу этих чудес и сам факт их наличия.

Все участники евангельских событий, как и герои Бхагавадгиты или мифов о Гильгамеше или Адонисе давно умерли и не оставили никаких исследуемых останков или достоверных материальных свидетельств о своих чрезвычайных возможностях.

Нам будет сложно подвергнуть экспериментальной проверке воскресение Иисуса или Диониса, непорочное зачатие Аменофиса, Гора и Митры.

Ситуация кажется безвыходной, но это не совсем так.

Позволим себе невинную аппроксимацию, т. е. объясним сложное при помощи простого.

Предположим, что нам надо исследовать половую систему трилобитов – давно вымерших морских членистоногих палеозоя.

Но!

Все образцы этих созданий сохранились только в том случае, если они фоссилизировались, т. е. окаменели.

Процесс фоссилизации (окаменения) заключается в том, что постепенно все молекулы экзо или эндоскелета мертвого организма замещаются молекулами тех минералов, что доминируют в окружающей среде.

Происходит перекристаллизация, которая навсегда изменяет структуру трилобитового панциря (экзоскелета), но при этом все мельчайшие подробности его рельефа сохраняются.

По сути, фоссилия трилобита – это минеральная реконструкция его панциря.

А вот все остальное – нервы, жабры, кишечник, семенники, яичники, мышцы, т. е. вся мягкоструктурная органика превращается в однородную кальцитовую, сланцевую или гнейсовую массу.

Чаще всего, то что находится внутри трилобита ни в коем случае и не претендует на статус «фоссилии» внутренностей (это просто часть той породы) которая со временем окутывает окаменевший панцирь.

Почему это происходит именно так?

Дело в том, что мягкие ткани сгнивают и вымываются быстрее, чем может идти процесс фоссилизации. Минеральные молекулы не успевают «осесть», (к примеру) на весьма эфемерных семенниках или яичниках, связаться меж собой и повторить их извивы.

Фоссилизация – процесс долгий, а сгнивание – быстрый.

Хотя нельзя исключать, что в одном примерно, случае из миллиарда*, по ничтожным изменениям оттенков в каменной внутрипанцырной массе, по разностям ее плотности можно угадать часть внутренней структуры членистоногого, нюансы которой повторили молекулы замещающего минерала. Но такое исследование всегда свершается на грани самообмана или даже за нею.

Короче говоря, установить особенности половой системы трилобитов по их фоссилиям практически невозможно.

Это столь же невозможно, как и определить реальность евангельских чудес на основании рассказов о них фанатиков христианского культа.

И в том и в другом случае достоверность будет примерно одинаковой.

Но!

В ситуации с трилобитами в нашем распоряжении есть их потомки – Xiphosura, т. е. ныне живущие мечехвосты, морские членистоногие.

Возьмем же это свежее, еще пять минут назад живое существо, и аккуратно его отпрепарируем.

В результате мы получим полное представление об их половой системе и приблизительное, но весьма вероятное о том, как она была устроена у их кембрийских или ордовикских предков.

Вполне возможно, что триста миллионов лет и внесли какие-то коррективы в длину яйцеводов или густоту сеточки семенников, но принцип организации половой системы, несомненно, сохранился.

На основании препарации мечехвоста мы сможем уверенно сказать следующее: трилобиты, скорее всего были раздельнополы, имели более короткие, чем большинство членистоногих яйцеводы, а «женские отверстия» находились у них по бокам от срединной брюшной линии и были прикрыты оперкулярной пластинкой.

У нас есть все основания пойти и дальше в наших выводах, и с определенной долей уверенности утверждать, что у трилобитов отсутствовали специальные копулятивные органы, а оплодотворение происходило вне тела самки, как это нынче наблюдается у мечехвоста.

Поразмыслив, мы придем к выводу, что именно такое устройство репродуктивной системы является наилучшим для существа с такой конституцией и конструкцией экзоскелета. (Нам это подскажет анатомическое своеобразие, которое через сотни миллионов лет продолжает связывать Paradoxides и его потомка, нашего современника Xipsosura.)

Т.е. исследовав потомка, с которым у трилобита есть большое количество общих морфологических свойств, мы почти разгадаем предка.

Примерно такую же схему вполне логично применить и в отношении евангельских или иных религиозных «чудес».

Следует всего лишь найти их ныне живущих «потомков».

Оглядимся вокруг.

Мир, в том числе и современный, переполнен различной мистикой, верой, обрядами, «таинствами» и пр.

Образчики ее можно обнаружить в любой церкви, костеле, синагоге, мечети.

Но агрегатное состояние церковной или синагогальной мистики нам не подходит. Церковные чудеса давно фоссилизировались и неподвластны кислотам и ланцету.

В «больших культах» они существуют лишь в виде символов – воспоминаний о событиях тысячелетней давности. Это своего рода трилобиты, ковыряться в которых бессмысленно.

Формально, конечно, «чудеса» присутствуют и в современной церкви.

В частности, таким чудом является евхаристия. Согласно догмату христианской церкви «О пресуществлении», под воздействием магической пластики и песен жрецов в определенный момент происходит превращение булки и красного вина в мясо и кровь бога.

Согласитесь, трудно вообразить себе возможность подробного химического, биологического и молекулярного анализа содержания евхаристической чаши или детальную регистрацию происходящих в ней биохимических метаморфоз.

Даже размещение обычного градусника в ней или в служителе (в момент совершения таинства) пока представляется делом совершенно нереальным. Последним известным экспериментом в этой области была милая выходка Г. Гамова, который, будучи еще мальчишкой, унес из церкви за щекой причастный субстрат и дома исследовал его под микроскопом.

Впрочем, евхаристия, это достаточно скучное «чудо».

Его чудесность остается невидимой, неосязаемой и не имеющей никаких реальных проявлений и последствий.

Строго говоря, оно свершается только на декларативном уровне и числится в разряде «чудес» лишь на основании слов служителей данного культа.

Нам требуется что-нибудь посвежее и побеззащитнее, так как «трилобиты» церковных чудес, помимо своей окаменелости, еще и охраняются законами,

традициями и фанатизмом.

По счастью у нас под рукой есть великолепные образчики беззащитной магии.

Это: спиритизм, спиритуализм, ясновидение, телепортации, т. н. «внетелесный опыт», различные оккультные экзерсисы с душой, экстрасенсорика, чудесные исцеления и прочие «проявления духа», которые «большие культы» очень неосмотрительно оставили на растерзание науке.

По существу никаких принципиальных отличий меж оккультно-спиритическими практиками и традиционными религиозными культами не существует.

И те и другие основаны на паранормальных явлениях, уверенности в наличии некоего верховного сверхъестественного фактора (бога), а также в реальности души и чудес.

Разница лишь в статусе.

Конечно, за тысячи лет «большие культы» утвердились на пьедесталах традиций, приобретя значительный социально-культурный вес, но по «весу» мистическому они совершенно идентичны любому оккультизму.

Ортодоксы, как правило, брезгливо дистанцируются от оккультных и спиритических практик, намекая на несопоставимость «их» и каких-то «спиритов». В этой брезгливости нет никакой логики, так как содержательная часть как «больших культов», так и спиритических сеансов сводится к примерно одному набору паранормальных явлений и умению их эксплуатировать.

И спириты, и теософы, и традиционные христиане декларируют свои цели и идеалы практически идентично, лишь немного варьируя фразеологию.

Приведем официальную формулировку сути спиритического движения. «Спиритизм есть всеобщий учитель, великий искупитель, освободитель человеческих душ от рамок суеверия и невежества, разгоняющий облака заблуждений, так долго окутывавших мир и освещающий тьму материального мира.» (Суть и дела спиритизма 1940)

Как видим, ее отличие от установок ортодоксов ничтожно, что бы по данному поводу не говорили христиане.

Теоретически, разница меж чудесами «больших культов» и «спиритизмом-ясновидением» должна быть не больше, чем между древним трилобитом и свежим мечехвостом.

Понятно, что о полной идентичности речи не идет, (есть внешние различия), но по основным параметрам их сходство несомненно.

Судя по всем, приметам оккультизм XIX, XX, XXI веков – прямой потомок древних верований. Но он еще не окаменел и, благодаря этому, не утратил столь ценной для нас исследуемости.

На первый взгляд «сгибание ложки силой мысли» и воскресение Христа кажутся несопоставимыми событиями, но по сути это явления одного порядка.

И в том и в другом случае грубо нарушены законы физики, разорвана зависимость организмов, предметов и событий с глобальными правилами существования мира.

Магию и религию разделяют не принципиальные различия, а исключительно агрессивность ортодоксального духовенства, нетерпимого к успешной конкуренции.

Эта нетерпимость (отчасти) оправдана.

Действительно, главное и единственное отличие т. н. деструктивных культов от традиционных «вер» заключается лишь в том, что «деструктивные» обеспечивают своих адептов более сильными ощущениями, чем ортодоксы.

Верующая публика – это всегда молоденькая дурочка, которая ищет впечатлений поярче. А реакция «больших» религий на оккультизм или сектантство – это обычное брюзжание старика-импотента, возмущенного темпераментом любовника своей вечно юной жены.

В любом случае нас мало волнуют взаимоотношения вер, религий, культов и магических практик. Да, их склоки забавны. Конечно, каждая из них претендует на единоличное обладание т. н. «истиной» и старается очернить конкурентов.

Но на каком основании заявлениям одной религиозной группировки надо придавать больший вес, чем заявлениям другой?

Единственным доводом в пользу «истинности» заявлений ортодоксов может служить только более эффектный фасон их богослужебных шапок.

Боюсь, нам этого недостаточно.

№ 9

В связи с этим было бы логично все большие и малые, древние и современные культы рассматривать как единый комплекс, в который входят и их дериваты, т. е. эзотерика, спиритуализм, и экстрасенсорика.

Различные эгрегоры, хилеры, талисманы, воскресения мертвецов, сгибания ложек, евхаристии, ауры, медитации, телекинезы, амулеты, молитвы, гадания, переселения душ, непорочные зачатия, чуринги, иконы, пирамидологии, хиромантии, акупунктуры, медитации, астрологии, биоэнергетики, «туннельные» эффекты, заговоры, ВТО (внетелесные ощущения), приметы, контакты с душами умерших, скапуломантии, гаруспикации, пророчества, асаны, сушеные головы тсантса и любые другие мощи, а также само понятие «душа», это лишь мозаичные составляющие крупных культов. Рассматривать каждое из них в отдельности нет никакой необходимости, хотя некоторые из этих явлений способны существовать и зарабатывать себе на жизнь вполне самостоятельно.

Общность всех религиозных проявлений была подмечена достаточно давно.

Упоминания о ней есть у Гельвеция, Вольтера, Гольбаха, Ламетри, Фейербаха, Юма, Руссо, Конта, Фрезера, Тэйлора и пр.

Отчетливее других ее сформулировал Трецца: «Взаимная зависимость всех религий друг от друга разрушает мнимую привилегию каждой из них на оригинальное происхождение и на то, что именно ей принадлежит охрана открытых человечеству небесных истин. Эта же взаимная зависимость уничтожает всякий сверхъестественный элемент в любой из них, обнаруживая ряд исторических наслоений в образовании религий» Цитируется по А. Вилла (1925).

Впрочем, изящество этой формулировки не отменяет сомнений в корректности того смешения религиозных проявлений, которое мы произвели чуть выше.

Тут возникает самый главный вопрос: есть ли меж столь различными на первый взгляд религиями, конфессиями, явлениями, обрядами и ритуалами доказуемое «генетическое» родство?

Применимо ли здесь (в качестве метафоры) понятие «единого генетического кода», такого же простого и неизменного, каким является последовательность азотистых оснований в ДНК?

Alias, есть ли в основе всех культовых действ некий простой и неизменный набор компонентов, который, сочетаясь, дает в результате жизнь всем паранормальным представлениям и ритуалам?

Неизменность (относительная) таких компонентов, безусловно, есть. Конечно, нет такой легкости и великолепной небрежности, которую мы можем наблюдать в жизнесоздающем коктейле из аденина-тимина-гуанина-цитозина.

Но у ДНК и у компонентов веры, по всей вероятности, все же совсем разные авторы.

Выражаясь с чуть большей прямотой, мы можем констатировать, что все религии и культы сделаны из одних и тех же фрагментов. А компоновка фрагментов и «внешность» культа – детерминировались обстоятельствами эпохи, культуры, т. е. средой в которой культ функционировал.

Это не удивительно, будучи естественным развитием идеи первобытной примитивной магии неолита, все без исключения религии сохраняли в себе ее основные черты и тенденции.

Все они криво или прямо восходят к ее основным составляющим премордиальной магии: к контактной, инициальной, катартической, контагиозной, церемониальной магиям и некромантии.

Эти шесть магий и есть, по сути, «азотистые основания», из которых свивается «генетический код» всех религий, реплицирующий себя на каждом новом витке развития в виде очередного верования.

Теперь перейдем от общего к частностям.

Единый «генетический код» дает жизнь «элементам», из которых складываются различные религии.

Но если это так, то между ними должна наблюдаться и внешняя родственность, видимая невооруженным взглядом.

Примерно такая же, как между плавниками рыб девона и кистью руки человека.

Она, несомненно, есть.

Как в современных организмах мы видим черты их далеких предков, так и в мировых религиях без труда мы можем разглядеть «анцестральные» черты первобытной магии и древних культов.

В качестве примера разберем известный христианский сюжет – т. н. «благовещение Марии».

Легенда о Марии и ангеле, несомненно, является дериватом традиции «непорочного зачатия», обязательного почти для всех культов, как мировых, так и местных.

В Ассирии, Финикии, Греции, Древнем Иране, Индии, Камбодже, Риме, Иудее, Сирии, Мексике и т. д. очень трудно найти какое-нибудь относительно организованное верование, в котором божество было бы зачато стандартным способом и родилось бы не от девственницы.

Технология оплодотворения девы богом, конечно, варьирует в зависимости от эпохи и развитости представлений о зачатии, как таковом.

В самых древних культах, когда связь между половым актом и беременностью еще не была очевидной, оплодотворение могло произойти через ухо, нос, макушку, прикосновение к священному предмету или просто «по желанию».

Богиня Нут, как известно, не бывшая замужем, сама зачинает своих детей (солнце и звезды), проглатывая их вечером, чтобы родить утром, а Атуме-Ра оплодотворяется собственными размышлениями об оплодотворении.

Но уже чуть позже объектом воздействия бога (богов, духов) становятся все же гениталии девочки.

К сожалению, антропология не может точно установить временной рубеж установления человеком взаимосвязи меж совокуплением и деторождением. (Не так-то это просто, как кажется на первый взгляд). Известно, что лингамические процедуры (использование храмового искусственного пениса) были иногда символическим действием, а иногда и практическим. В последнем случае они совершались лишь для расширения «отверстия», в который мог бы проникнуть дух божества, если бы девочка оказалась достойной этой чести.

Древнейший образчик совокупления с богом можно обнаружить в египетской истории волшебного зачатия Аменофиса.

Там, кстати, оно произошло через нос.

Бог Тот сыграл роль посланника, объявившего девственной жрице Мутемуа волю бога Нефа, и дал ей понюхать анкх, благодаря чему и произошло оплодотворение.

В девственницу Майю (Майию), мать Будды, божество проникло через макушку, приняв вид пятицветного луча, в не менее девственную маму Заратустры через растение, а вот в деву Коатлику, родившую бога Уицилопотчли, приняв вид летающего шарика из ярких перьев.

Чуть позже у богов начинается нормальная половая жизнь – и в культе ассирийской Милиты мы уже видим налаженный процесс принесения в жертву этой богине девственности через банальное совокупление.

Соитие с Милитой происходило в кромешной темноте храма и исключало возможность разглядеть (к примеру) прическу богини.

Над девой, готовой к совокуплению, вначале звучал «глас», извещавших всех ее о ее избранности. Затем происходило само действо. Оно было анатомически парадоксально, так как Милита была не только божеством, но и дамой, т. е. существом все же не наделенным пенисом. Тем не менее, вполне гетеросексуальное соитие происходило каждый раз без каких-либо недоразумений и затруднений.

Древние культы Камбоджи вообще не допускали никакой близости новобрачной девицы с мужем до того момента, как ее отведает божество. Тшин-тан (совокупление с божеством) было строго обязательным. Здесь оно откровенно осуществлялось через приближенных, имеющих статус «посланников» бога, т. е. через жрецов.

Иногда совокупление было символическим.

В этом случае в нем участвовал только половой орган бога (лингам), сделанный из камня, металла или кости. Жрецам в этом случае оставалась лишь роль инструментальщиков. Они с унылым пением вводили лингам девице в вагину и либо производили им расширяющие шевеления, либо имитировали половой акт (в зависимости от нюансов своего культа). Этот ритуал, распространенный в большей части древнего мира, сохранился до начала XX века на Гоа, Филлипинах, в Восточной Индии. Зачатые лингамом дети получали совершенно особые храмовые права.

В древнем Риме первое совокупление девицы тоже принадлежало только богу, а свершалось при помощи вечно эрегированного каменного пениса статуи Приапа. Любопытно, что и тогда наблюдались случаи оплодотворения.

В древней Мексике данную процедуру проделывали с девочкой уже на 29 день после ее рождения. (Вероятно, для того, чтобы иметь уверенность, что божество не опередит какой-нибудь темпераментный мексиканец.) Производилась

процедура при помощи указательного пальца впавшего в транс жреца, всегда действовавшего строго в интересах своего небесного руководителя.

В секте индуистского толка Каукилаус (поклоняющейся богине Сакти) обнаженную девицу укладывали посреди храма «верующие же хором призывали дух богини, который должен был войти через rima pudendi в ее вагину или в стоящую рядом с девицей чашу с вином». В разное время процедура варьировалась. Иногда беременность должна была наступить от выпивания вина содержащего дух Сакти, иногда от прямой пенетрации, совершаемой руководителями секты. (Вероятно, это зависело от благообразия и санитарного состояния девы, а также от возраста и состояния здоровья главного жреца.)

Чукотский бог Пивчунин был знаменит своими крохотными размерами. (по разным данным от 3 до 12 см). Он пользовался ими в том числе и для того, чтобы незаметно проникать в rima pudenti девственниц и посредством непорочного зачатия (порочное для него было затруднительно из-за его роста), производить на свет «сыновей божиих», отличающихся отвагой при охоте на моржей.

При древних храмах Шивы в обязательном порядке проживали «гарудах-бассоис» земные жены бога. Как и многие другие боги, Шива в половом вопросе предпочитал ненадолго вселяться в одного из своих жрецов. Зачатые таким образом дети получали статус «сына божьего» или же «дочери бога», а их матери – свидетельство своей непорочности.

Примерно такая же история наблюдается и в культе Ваал-Пшора, который практиковали (в том числе) и евреи «домоисееева периода».

Зевс и Аполлон никогда не упускали возможности оплодотворить какую-нибудь зазевавшуюся или спящую гречанку.

Всех перещеголял, конечно, ассиро-финикийский Таммуз. Будучи очень опытным богом, он, вероятно, знал, что в серьезных вопросах ни на кого нельзя положиться и на всякий случай непорочно зачал себя сам, став одновременно и мужем и сыном очаровательной Ашторет.

Подобных примеров более, чем достаточно. Будда, Гор, Озирис, Аменофис, Аттис, Дионис, Персей, Митра, Адонис, Аполлоний (Тианский), Саргон, Уицилопотчли, Вейнемейнен, Кельцаткоатль, Геракл, Асклепий, Диоскуры,

Гермес, Ромул, Рем, – это лишь малая часть непорочно зачатых детей различных божеств.

Как видим, беременеть от бога было чрезвычайно модно за тысячу лет до известной сцены в доме Иосифа, так что «непорочное зачатие» к началу I века н. э. стало уже общим местом.

Мариолатрию, включающую учение о непорочности Марии как до, так и после родов, христиане создали не от хорошей жизни. Конечно, этот постулат обескураживает гинекологов, но зато у Марии появляется хоть какое-то отличие от бесконечных дев древности, беспорочно зачавших от бога. Как справедливо отметил А. Вилла – «христианству хотелось бы сосредоточить внимание всех верующих на нетронутых половых органах святых, небесных жен, безгрешных девственниц». (1923). Впрочем, не только христианству: «Каждый из избранных праведников получит в жены семьдесят гурий, помимо тех законных жен, что были у него в земной жизни. Всякий раз, когда он пожелает войти в гурию, окажется, что она снова девственна». Ад-дин-аль-Саюти (XV век) цит. по J. Drent De Oorsprong van de Wereld 2004.

Итак, мы отчетливо видим, что в данном вопросе бессмысленно говорить о христианском благовещении, как о некоем уникуме.

Беременность евангельской Марии скроена из множества подобных эпизодов древнего религиозного фольклора.

Допустить сюжетную независимость зачатия Иисуса от целого ряда фольклорных «предков» этого происшествия так же трудно, как и предположить, что колесо «Бентли» не является прямым потомком всех тех колес, что ранее были изобретены человечеством (начиная от деревянных повозочных, продолжая спицевыми, затем каучуковыми и т. д.).

Рассмотрев всего лишь одно мистическое событие, мы без труда обнаружили в нем анцестральные черты культов чуть ли не всей древности. Конечно, влияние одних было большим, а других меньшим (или вовсе ничтожным), но близкородственность сюжетики несомненна.

№ 10

Кому принадлежит первородство идеи «причастия» определить так же сложно, как и первого автора «непорочного зачатия».

«Корневая сеть» обряда «поедания тела бога» уходит в неолит, а там ветвится и теряется.

В своем первичном состоянии причастие выглядело достаточно незатейливо. Это было съедение мяса животного или человека для приобретения тех качеств, которые были характерны для поедаемого при его жизни.

Приведем примеры.

Сердце гепарда съедалось, чтобы приобщиться к ловкости этого зверя, пенис умершего вождя – к его потенции, а язык льва дабы сообщить голосу красоту и раскатистость.

Племена Уганды ритуально поедали кожу жирафа, чтобы успешно маскироваться в саванне, а аборигены Полинезии глотали медуз, предполагая приобрести их прозрачность, а с ней и возможность незаметно приблизиться к врагу.

Хотя еще на Болонском конгрессе (1871) Карл Фогт обозначил христианский ритуал евхаристии как пример ритуального каннибализма, у нас нет возможности доказать, что ранние homo поедали друг друга в рамках сакрального ритуала.

Вполне возможно, что для падальщика и каннибала, каковым в течении миллионов лет был ранний человек тело любого мертвеца было всего лишь возможностью утолить постоянный голод.

О ритуальном каннибализме, как о доказанном факте мы можем говорить лишь в XX веке.

В Новой Гвинее новый вождь племени Форе съедал мозг своего предшественника, чтобы овладеть его знаниями и хитростью. Конечно, данный

факт должен иметь и наверняка имеет свою эволюционную историю, но установить ее почти невозможно.

Мы можем быть почти уверены, что принцип «впускания в себя через съедение» – это ровесник социализированного человека.

Именно съедение обеспечивало «сопричастие». Таким образом могли «впускаться» не только свойства и качества, но и духи, обитавшие в съедаемых предметах и существах.

В том или ином виде причастие существовало у почти всех древних народов, а до совсем недавнего времени – у зулусов, бушменов, тасманийцев, папуа, чукчей, юраков, тунгусов и т. д.

В более или менее оформленном виде мы можем наблюдать причастие у древних египтян, вкушавших особый хлеб, который в момент церемонии превращался в плоть воскресающего Озириса.

Брахманы древней Индии «также были знакомы с учением о пресуществлении или магическом превращении хлеба в плоть бога задолго до возникновения христианства» (Фрезер).

Дионисийский культ демонстрирует небольшую «жанровую модуляцию», но далеко от сюжета не уходит. Там верующие живьем разрывали теленка и съедали его мясо, уверенные, что под видом кровавой бычатины они едят священное тело Диониса, способное даровать им счастье и удачу.

Древние мексиканцы изготавливали из кукурузного хлеба куски тела своего бога Витцилипутцли, которые пропитывались свекольным соком и после ряда церемоний (включавших обязательный пост) торжественно съедались.

Дж. Фрезер описывает это так: «Они верили, что освящая хлеб, жрецы превращали его в саму плоть бога, и, что, следовательно все, кто вкусил этого освященного хлеба, поглотили частицу божественной сущности и установили посредством нее таинственную связь с богом».

В Митраизме, откуда причастие напрямую перешло к христианам, мы обнаруживаем его практически в современном виде.

И так во всем – до мелочей.

Даже такой пустяк, как обряд пострижения в монашество и вырезка пряди во время крещения восходит к повсеместно распространенному обычаю принесению в жертву волос.

По мнению Джевонса («Введение в историю религий») это – один из самых ранних ритуалов, отмеченных еще в культе Изиды. Также известно и то, что греческие моряки срезали волосы и кидали их на ветер, чтобы умилостивить Посейдона.

Мы можем не продолжать поиск премордиальной магии в таинствах христианства или любой другой религии.

Даже на основании трех приведенных примеров, очевидно ее тотальное присутствие.

Её сюжетные и смысловые схемы странствуют по векам, эпохам и народам, становясь все более и более затейливыми и авторитетными. Они не меняются в принципе, но обрастают атрибутикой, культурными смыслами, теоретическими обоснованиями, штатом обслуживающего персонала, а так же колоссальными финансово-административными потенциалами.

Мы уже отмечали, что подобные мысли не являются новацией.

Обычно они употребляются, как аргументы атеизма, но таковыми не являются.

Для развенчания какой-либо конкретной религии такие аргументы эффективны. Но для глобальной «идеи бога» они не только безвредны, но даже питательны.

Ведь от того, что мы убедились в удивительной схожести таинств и преданий во всех религиях мира, суть дела не поменялась.

Мы этим не «отменили» бога.

Более того, идея влияния сверхъестественной силы обрела еще большую силу и значимость, так как сотни разрозненных культов слились в одно глобальное явление, сопровождавшее человека с момента его социализации.

Масштабы влияния магии, конечно, завораживают:

Перед нами огромные, неохватные глазом массы людей: Шлемоблещущие ахейцы и кровавые ацтеки, русские опричники и римские гладиаторы, французские куртизанки и египетские парасхиты, иудейские пророки и нобелевские лауреаты по литературе (и даже по физике), а также доминиканцы, трактористы, пианисты, философы, зулусы, тамплиеры, космонавты, юродивые, землепашцы, хронисты, факиры, шахтеры, пекари, императоры, астрологи, самураи, писатели, водопроводчики, охотники, живописцы, артиллеристы и аптекари….список бесконечен.

Это обитатели планеты за все пять тысяч лет фиксированной истории человечества.

Их примерно 100 миллиардов. Все они в той или иной степени религиозны. Они очень разные, но в каждом из них сработал и реализовался единый «мистический код». Он сформировал их мировоззрение, он руководил большинством их слов и поступков.

Разобщенные географически и хронологически homo век за веком, тысячелетие за тысячелетием облекают свои страхи и надежды в почти идентичные образы, сюжеты и обряды. Все они (в той или иной степени) убеждены, что их мысли транслированы им некой непостижимой силой, а в них самих живет ее частичка, именуемая словом «душа».

Мы видим настоящее чудо.

Древность гипотезы из очевидного контраргумента преображается в доказательный аргумент.

Человечество каждый век пересматривает и бракует свои устаревшие представления о материях куда менее сложных чем «бог». О гигиене, электричестве, медицине, способах связи, форме и месте планеты, обществе и

пр. Оно требует подтверждения любой мелочи, критично въедается в суть открытий и смеется над глупостью и доверчивостью жителей прошлых эпох.

Но в вопросе «бога» миллиарды этих крайне недоверчивых существ поколение за поколением покорно нанизываются на шампур концепции, не имеющей вообще никаких доказательств и подтверждений.

Люди без колебаний принимают очень архаичные, а в силу этого и крайне примитивные представления о главных вопросах жизни. Те самые, что сквозь тысячелетия им транслируют из своих пещер давно мертвые дикари неолита.

Это могло бы впечатлить.

Но! Только при условии, если бы мы забыли, что говорим о существах с очень небольшим потенциалом мозга и наследственной деменцией, которая просвечивает через большинство их убеждений и представлений. И судя по всему, по-прежнему в многом определяет их поведение.

Ограниченность персональных возможностей homo к анализу и установлению неочевидных связей меж явлениями, предметами и организмами делает вопрос о численности приверженцев религиозной идеи несущественным.

Поясним.

Вдеть нитку в ушко тонкой иглы невозможная задача хоть для одного безрукого инвалида, хоть для ста миллионов таких калек. Количество инвалидов, пытающихся проделать этот невозможный для них трюк никакой роли играть не будет. Нитка останется не вдетой.

Точно так же любой массой homo не может быть решен вопрос о наличии или отсутствии бога. С учетом весьма скромных способностей человека к осмыслению сложных фактов количество сторонников идеи скорее компрометирует ее, чем что-либо доказывает.

Все это звучит жестковато, но, вероятно, настал момент вспомнить дымок меж кровавыми клыками гризли, страшный крик Земмельвайса, пресловутую зажигалку, а заодно и тот пикантный факт, что церебральные субстраты

изначально не имеют ни малейшего понятия ни о каких богах, не говоря уже об атеизме, добре и зле.

Определенные области мозга можно обучить вырабатывать сложные рефлексы на эти понятия, а можно и не обучить.

Судя по тому, с какой легкостью при обучении можно поменять «добро» и «зло» местами (известный эксперимент Ерофеевой) точно такую же штуку можно проделать с верой и неверием.

Тут в истории отношений премордиальной магии и человека начинается самое интересное.

Предположим, что мы выучили 200.000 уток одновременно крякать при виде надувного шарика.

Демонстрация утиного единодушия наверняка будет производить шоковое впечатление. Тем не менее, она не будет доказательством необычайных свойств шарика. Она будет лишь свидетельством мастерства дрессировщика.

Круг «подозреваемых» сузился. Теперь нам осталось лишь выяснить, кто именно является дрессировщиком 20 миллиардов уток.

Сверхъестестввенная сила… или жреческая каста, обслуживающая магию с первых минут ее рождения по сегодняшний день.

В поисках ответа на этот любопытный вопрос вернемся к нашим «мечехвостам», т. е. к прямым потомкам чудотворцев и волшебников, к магам и ясновидящим XIX–XX веков.

Мы допускаем, что процент паранормального в финикийском божестве, библейском святом и современном экстрасенсе может сильно различаться.

Но, вероятно, у нас хватит скрупулезности, чтобы обнаружить и зафиксировать даже микроскопические следы чего-либо сверхъестественного, если они будут обнаружены в сегодняшних (или почти сегодняшних) живых препаратах. Мы готовы довольствоваться находкой даже крохи, даже нескольких «молекул»

сверхъестественного.

В любом случае ничего другого осязаемого и исследуемого, кроме магов современности и их судеб у нас нет. Все остальные свидетельства являются только декларативными и никак не проверяемыми.

Конечно, на первый взгляд, корректность сопоставления спиритов, экстрасенсов и божеств древности небесспорна.

Но лишь на первый взгляд.

Нам надо либо научиться счищать с явлений и персон «позолоту веков»… либо гипотетически наносить ее на современные нам явления.

Второе чуть проще.

По сути, – маги, спириты, ясновидящие и экстрасенсы – это первосвященники и святые спиритуалистического культа. А их сеансы это реальное богослужение (духослужение), каких мир повидал уже немало.

По официальному определению Национальной Ассоциации Спиритов (1914) «Спиритизм – это Наука, Философия и Религия непрерывной жизни, основанная на доказанном факте общения через медиумов с теми, кто живет в Духовном мире… Спиритизм – это излияние духа на человечество, божественное откровение из сфер света. Это высочайшее слово истины. Спиритизм есть всеобщий учитель, великий искупитель, освободитель человеческих душ от рамок суеверия и невежества» (У. Мартин 1992)

Спиритуализм неверно оценивается как порождение нового времени. Возможно, гнущиеся ложечки и другие аксессуары затмили его первобытную сущность.

А по сути, в нем нет ничего нового.

Это воскрешение одной из самых ранних форм наглядной магии, допускавшей возможность общения с духом любого предмета или человека.

Спиритуализм и надо рассматривать, именно, как культ.

Если отбросить его (относительно) современные приметы, переодеть его героев, переместить их в древность, научить объясняться при помощи притч и завершить их деяния красивой и мучительной смертью, то мы получим очередной митраизм или христианство.

Помимо родственной и смысловой спиритуализм имеет с глобальными культами и прямую формальную связь, признанную еще в 1920 году на Когрессе Англиканских Церквей пастором А. Бэйфилдом, провозгласившим, что «Это учение всегда находилось в союзе с нашей верой. Спиритуалистом является по сути каждый «не материалист», христианство же и есть религия спиритуализма».

Елена Блаватская (1831–1891), Евзапия Палладино (1854–1918), Дэниэл Дуглас Юм (1833–1886), Марджери Крэндон (1888–1941), Элизабет Кюблер-Росс (1926–2004) и все прочие герои истории паранормальных явлений для своих адептов являются фигурами столь же сакральными, как Христос, Таммуз или Кришна для своих поклонников.

«В наше время снова ожила группа верований и обычаев, которые корнями уходят в глубины того слоя древней философии, где впервые зародилось колдовство. Эта группа верований и обычаев есть то, что обыкновенно называется теперь спиритизмом….Люди опять смело утверждают, что бестелесные существа прямо влияют на мысль и материю» (Тэйлор).

№ 11

Начиная эту тему, мы заранее должны выразить признательность тем магам, ясновидящим, спиритам, целителям и экстрасенсам, что будут упомянуты нами ниже.

Конечно, на пьедестале известного монумента им трудно претендовать на место рядом с собакой Павлова.

Для понимания принципов работы ЦНС собаки, конечно, сделали больше, чем спириты.

Но именно предоставленный спиритами живой исследовательский материал (в виде их самих) позволяет отделить реальные загадки сложнонервной деятельности от загадок надуманных и либо принять, либо исключить вопрос о влиянии на ЦНС неких сверхъестественных факторов.

От времен Шумер до начала XX века мы имеем множество свидетельств о разнообразных чудесах.

Практически все они вполне укладываются в современное понятие «паранормальные способности и явления».

Это «пророчества», «вещие сны», исцеления, видения, левитации, воскрешения, «транспортации», беседы с духами et cetera.

Все это потомки (в том или ином колене) премордиальной магии.

Как мы же говорили, евангелия, в первую очередь, это книга о том, как раввин в I веке н. э. демонстрировал не слишком оригинальные, но вполне кондиционные образчики различной магии. Примерно так же мы можем характеризовать мифы о Таммузе или Адонисе.

По жанровой сути – это сюжетные гримуары.

Но и жития спиритов и экстрасенсов XX столетия, если их выдержать в должной патетике и нигде не омрачить неуместной иронией – это тоже гримуары, тоже повествования о жизни, деяниях и трагедиях магов.

Вспомним и то, что «маги» – это те же самые «священники», но в протохалдейской транскрипции.

«Маги по профессии существовали, начиная от самых древних известных нам ступеней цивилизации. Они жили своим колдовством и поддерживали веру в него» (Тэйлор).

Упоминания о магах и медиумах содержатся не только в религиозных мифах и канонах, не только в светских летописях и хрониках, но и в литературе, претендующей на научность или на некий «критический взгляд».

Как мы помним, популярные в девятнадцатом веке «спиритизм», «месмеризм», «духовидение» не всегда воспринимались с доверием. «Магов», «спиритов», «столовращателей» на их сеансах пытались проверять и контролировать. (Чаще всего отзывы были восторженными, но иногда «ясновидцев» пытались уличать в обмане.)

На первый взгляд кажется, что почти все эти свидетельства, как критические, так и восторженные нам придется игнорировать в равной степени, так как до начала XX века проверкам не был обеспечен должный уровень объективности.

«Ранние эксперименты походили скорее на салонные игры, чем на серьезные научные исследования.» (Ч. Хэнзел 1970)

Отчасти, это конечно, так, но порой, для оценки способностей знаменитых медиумов и тогда мобилизовывались очень значительные научные силы.

Их выводы не могут быть отброшены со ссылкой на их архаичность и не совсем корректное протоколирование экспериментов.

Пример тому – испытания, которым комиссия в составе И. Ф. Циона, Бутлерова, Овсянникова, Аксакова, Петрушевского, в 1871 году в Университете Санкт-Петербурга подвергла Дэна-Дугласа Юма.

Напомню, что во второй половине девятнадцатого века Юм (1833–1886) был спиритической звездой первой величины. Журналистов, музыкантов, королей, писателей, ученых, дипломатов и дам завораживала легкость и убедительность его взаимоотношений с духами.

Его сеансы выглядели шокирующее и крайне убедительно.

Они не оставляли у зрителей и участников никаких сомнений в том, что благодаря уникальным способностям медиума перед ними происходит реальный контакт с призраками, что сама «душа» становится очевидностью.

«Имеется много описаний того, как Юм устанавливал связь с силами потустороннего мира, но физические явления или проявления духов, открывающиеся фантастическими способностями Юма оказались лучшими

свидетельствами наличия у него сверхъестественной силы.» (А. Хилл «Спиритизм: история, проявления и учение» 1919)

Восторг и «упоение» этим контактом сегодня трудно прочувствовать, но тогда существовало крепкая убежденность, что то, о чем веками говорили пророки, теологи и философы на сеансах Юма получило, наконец, явное доказательство.

Помимо всего прочего Юм был недурным педагогом, так как именно он воспитал спирита Елену Блаватскую (1831–1891), сделав из фокусницы Стамбульского цирка свою ассистентку.

Подтверждением огромной и совершенно реальной власти, которую имел этот персонаж над современниками служит следующий факт: когда одной из богатейших вдовиц Англии, г-же Дж. Лайон дух ее покойного мужа на спиритическом сеансе Юма «повелел» усыновить мага, та без всяких колебаний согласилась это сделать. (Л. Келли «Тайная история сверхъестественного» 2004).

После смерти Юма в его вещах были обнаружены сверхмалые… губные гармошки, изготовленные по заказу. Посмертное обследование тела духовидца не зафиксировало ничего примечательного, кроме крайне своеобразной конструкции его пышных усов. Они были искусно подбриты изнутри, оставляя под волосяным массивом полость, в которую точно помещалась миниатюрная губная гармошечка. На сеансах Дэниэла Дугласа Юма, как мы знаем, периодически «из ниоткуда» звучали странные и волшебные мелодии. Впрочем, возможно, «встреча» этих трех факторов (гармошки, усы, мелодии) было простым совпадением.

Шествие медиума по Европе было триумфальным… до встречи с петерургским физиологом Ильей Фаддеевичем Ционом, учителем И. П. Павлова, который стал администратором петербургской комиссии по «установлению доподлинности происходящих контактов с иным миром».

В комиссии, (отметим), в основном были сторонники и поклонники Юма. В частности, таковым был великий химик А. М. Бутлеров. Еще одним приверженцем «друга духов» был профессор А. Н. Аксаков, самый авторитетный в России исследователь спиритизма.

Цион же (в данном случае) позиционировал себя как персону строго нейтральную, готовую принять любой результат, если он будет подтвержден экспериментально.

Возможно, Илья Фаддеевич, как блестящий ученый, сразу установил, что красавец-маг не собирается делиться с ним гонорарами, то есть для русской науки бесполезен.

Так или иначе, но именно Циону была доверена организация работы комиссии, подбор помещения, расстановка инвентаря и пр.

10 марта 1871 года, в 21.30 вечера заседание комиссии состоялось в одном из помещений физического факультета.

Помещение было проветрено, хорошо освещено, посреди него стоял стол покрытый зеленым сукном.

Перед самым началом эксперимента Илья Фаддеич почтительно обратился к магу с вопросом: – «Является ли существенным фактором конструкция стола?»

Получив ответ, что «это не имеет вообще никакого значения», Цион снял сукно.

Тут и выяснилось, что деревянная глухая столешница, традиционная для спиритических сеансов была заменена на стеклянную. Полностью прозрачную.

Пространство под столом было очень ярко освещено. Ноги всех участников эксперимента были хорошо видны.

И тут начался конфуз.

Возвышенный красавец Юм, друг духов и повелитель призраков не смог предъявить университетской комиссии ни единого образчика своего необычайного искусства.

Остался неподвижен стол. Духи молчали и почему-то не совершали загадочных прикосновений к ногам и щекам экспериментаторов.

Юм сверкал очами, сосредотачивался, очень выразительно молчал, но добился лишь учащения собственного пульса, на что обратил внимание комиссии.

Бутлеров, Аксаков и математик Чебышев растеряно отмолчались, а Илья Фаддеич создал на своем лице выражение безмерного сочувствия.

Вскоре Юм попытался убедить присутствующих, что «где-то в столе» раздаются слабые звуки. Комиссия не смогла согласиться с этим утверждением. По ее мнению стол безмолвствовал.

Затем маг сообщил о появлении неких воздушных струй. Илья Фаддеич на это вежливо сообщил, что по его просьбе открыли трубу вентилятора.

Сеанс длился почти два часа, но событий более существенных, чем учащение пульса и открытие трубы так и не произошло. Бутлеров и Аксаков были сконфужены. Цион был невыносимо вежлив.

Провал мага, разумеется, объяснили не прозрачностью столешницы и ярким освещением подстольного пространства, а исключительно тем, что физиолог Цион, своим грубым скепсисом создал «невыносимые условия для тонких явлений».

Аксаков желчно заявил, что «действия комиссии не имеют ничего общего с научным экспериментом» и назвал происшедшее недоразумением. Его полностью поддержали А. М. Бутлеров, Н. П. Вагнер и многие другие ученые.

Примечательно, что провал на «ционовской комиссии» вообще никак не повлиял на общий успех петербургских гастролей Дэна Дугласа Юма.

На сеансах все было, как всегда и везде.

Дамы от восторга падали в обморок, а потом писали Юму письма. История сохранила их. Немаловажно, что в некоторой их части содержатся тайные мечты дам, а именно: бросить опостылевший свет и смиренно следовать за «другом духов».

Их мужья, высшие чины Российской империи (этих писем не читавшие) на сеансах трясли эполетами и в духовном экстазе заводили очи под лоб.

Поэты бледнели и переполнялись вдохновением. Просвещенное купечество в очередной раз убеждалось, что «гробовая доска» это всего-лишь дверь в иной мир.

Успех Юма в Росии был полным. Как впрочем и в Австрии, Германии, Франции или Италии.

Эксперимент Циона не смог понизить градус восторженного истеризма публики даже на тысячную долю. Илье Фаддеевичу сразу припомнили его репутацию «мясника» (которую он честно заработал своими блестящими вивисекциями) его конфликты со студентами, его еврейское происхождение и некоторое легкомыслие в религиозных вопросах.

Более того, Цион был обвинен в «материалистическом шарлатанстве» и полной неспособности видеть что-либо, выходящее за рамки «примитивной физиологии».

Почему мы рассматривали именно этот пример, проигнорировав отчеты и протоколы, где ученые не менее известные, чем Цион, свидетельствовали о чистоте методов Юма, о реальности его контакта с духами?

Только потому, что во всех иных случаях условия проведения эксперимента диктовались и определялись самим магом, а в рассмотренном нами случае впервые применились методики объективного эксперимента.

Они еще не были строги в должной мере, но в результате последовал первый зафиксированный «провал» спирита.

Евзапия Палладино (1854–1918) была другой суперзвездой спиритизма.

Евзапия, как и Юм, имела грандиозный успех и в Европе, и в Америке. Различные комиссии, в том числе и весьма авторитетные, одна за другой признавали подлинность ее способностей.

Триумф был несколько омрачен тем, что в 1895 группа кембриджских профессоров – скептиков, в которую входили, Ф. Майерс, а так же Р. Ходжсон, бывший тогда секретарем «Американского Общества психических исследований» уличили Евзапию в использовании весьма грубых трюков.

Впрочем, сторонники медиумизма обвинили кембриджскую комиссию в излишней скептичности и опять-таки «в создании условий, невыносимых для раскрытия столь тонкого дара». Как и в истории с Юмом, неприятный прецедент в Кембридже никак не повлиял на репутацию ясновидящей.

Публика продолжила поклонение Евзапии, а ее противники попросту игнорировались, как и настораживающая подробность биографии спиритессы: она достаточно долго была женой и ассистентом весьма известного циркового фокусника.

Все точки над «i» на сей раз расставились не в России, а в Америке, где Евзапии опять пришлось иметь дело с жесткими скептиками. На на сей раз в составе комиссии были профессора – физики Роберт Вуд и Огастес Траубридж, физиолог Гуго Мурстенбург и врач Дж. Д. Куэкэнбос.

Многоопытный профессор Мурстенбург не стал «считать духовные нюансы» или тратить время на подсчеты тех миллиметров и сантиметров, на которые магическая энергия Палладино была способна перемещать столы и стулья.

Он поступил иначе.

Мурстенбург распорядился разместить под столом, за которым происходил контрольный сеанс, своего ассистента.

Раузмеется, последний вполз туда незаметно, когда участники уже расселись, когда был выключен свет и расставлены предметы, перемещать которые надлежало вызванным Евзапией духам.

Ситуация скупо, но выразительно описана в записках Мурстенбурга: «Мы держали Евзапию за запястья, мы ощущали обе ее ступни, и все же стол, находившийся позади нее, двинулся. Мы почувствовали, что он поднимается вверх. Но тут раздался оглушительный вопль. Такого крика я не слышал даже в трагических сценах Сары Бернар. Евзапия кричала так, будто бы ее кололи

ножом. Что же произошло? Она не ожидала, что на полу лежит мой ассистент, внимательно наблюдавший за ее ногами. Он увидел, что Палладино ловко освободила ногу из туфли, каким-то немыслимым движением протянула ее назад и стала шарить ею сзади себя. Тогда он схватил ее за пятку, и она страшно закричала, сообразив, что попалась». H. Munsterburg. Report on a Sitting with Eusapia Palladino. Metropolitan Magazine 1910.

Возможно, покажется примечательным, что страстный апологет и проповедник спиритуализма А. Конан-Дойль, (потративший на пропаганду «общения с миром духов» около 250.000 фунтов из личных средств), при написании итогового, фундаментального труда «История спиритуализма» (1926) этот эпизод карьеры Евзапии Палладино скрыл, нигде и никак о нем не упомянув. Вероятно, этот факт причинял боль сэру Артуру, заслужившему за свой фанатизм прозвище в прессе «Святой Павел спиритизма».

Отметим, что мы не случайно взялись рассматривать только «суперзвезд» спиритизма. Их способности были подтверждены самыми авторитетными учеными и писателями того времени. Напомню, что в числе поклонников Юма и Палладино были: К. Фламарион, А. Конан-Дойль, Седжвик, А. Бутлеров, У. Крукс, О. Лодж, Ч. Ламброзо, Ш. Рише, Скиапарелли et cetera.

Даже исходя из двух этих случаев мы можем обоснованно предположить, что контрольные медиум-сеансы, возможно, были не местом «соприкосновения душ умерших людей с миром живых», а скорее состязанием в хитрости.

При всем желании, в контролируемых сеансах трудно найти хоть что-либо необъяснимое. Скорее наоборот.

Мы видим обман и конфуз.

Мотивация обмана ясна.

Если он удавался, то столовращатель приумножал свою славу и мог увеличивать размеры гонораров за сеансы. (Евзапия, к примеру, во время американского турне 1909–1910 гг. получала за каждый контакт с духами уже по 125 долларов)

Если побеждали ученые – то тогда им удавалось прославиться и обеспечить своим разоблачительным публикациям тиражи и известность, т. е. и тут с

мотивацией все более или менее понятно.

Вроде бы столь банальная причина плохо комплектуется с грандиозностью имен разоблачителей.

Но!

Это сегодня имена Фарадея, профессора Тарханова, Шевреля, Мурстенбурга, Ходжсона, Гексли, Сикорского, Карпентера и других скептиков звучат так величественно и хрестоматийно. А ведь было время, когда каждый из перечисленных нами героев науки был весьма и весьма озабочен, как приумножением своей славы, так и размерами гонораров за лекции, публикации и выступления.

Вполне возможно, что, порой, учеными руководила лишь «чистая страсть» к развенчанию того, что они искренне считали мошенничеством. Такие прецеденты, наверняка, были, просто они остались никому не известными.

Неизвестны они и нам.

Даже образчик всяческого безкорыстия, Дмитрий Иванович Менделеев, действовавший, как казалось из «чистой любви к науке и свету знаний», основал знаменитую «комиссию разоблачителей» прежде всего для того, чтобы дискредитировать своего старого соперника А. Бутлерова, бывшего «покровителем спиритов».

Со стороны, разумеется, все выглядело очень достойно. Якобы обнаружив, что спиритизм имеет очень сильных покровителей в ученом мире, Менделеев решил, что «Против профессорского авторитета следовало действовать профессорским же».

Ему удалось организовать при СПБ Университете специальную группу, которая вроде бы занималась разоблачениями медиумов, спиритов и пр, а на самом деле высмеивала и выставляла дураком Бутлерова.

Дмитрий Иванович писал: «Занятия столоверчением, разговором с невидимыми существами и пр. грозят распространением мистицизма, могущего оторвать

многих от здорового взгляда на предметы и усилить суеверия.» Из «Предложения Менделеева Физическому обществу при Петербургском университете об учреждении комиссии для рассмотрения явлений, называемых медиумическими» СПБ 1875.

Менделеевская комиссия, проработав всего год, разумеется, вынесла вердикт: «Спиритические явления происходят от бессознательных движений или от сознательного обмана».

История спиритизма непредставима без Кейт, Ли и Маргарет Фокс. Это именно они создали культ ясновидения и магизма в Америке, очаровав публику и породив тысячи подражателей.

Завоевав Штаты, сестры предприняли вояж по всему миру, триумфально выступая перед монархами, дипломатами и профессорами.

Они прошли горнило десятков ученых комиссий, которые безуспешно пытались их разоблачить.

Их слава была безупречна, а влияние огромно. Но… в один прекрасный день Маргарита Фокс села и написала признание. Девушка с поразительной скрупулезностью описала спиритические подвиги всех трех сестер. Ее описание не оставляло никаких сомнений, в том, что все, чем Фокс поражали воображение публики и ученых было мистификацией и жульничеством.

Признание Маргариты Фокс было добровольным, задокументированным и опубликованным в «Нью-Йорк уорлд» от 21 октября 1888 года.

По другим данным Маргарет в этот же день выступила с саморазоблачительным сеансом в зале Нью-Йоркской академии музыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Эрарта» – музей современного искусства в Санкт-Петербурге.

2

Оговоримся. Употребляя понятие «мозг», мы будем иметь в виду лишь функции, которые обеспечивают «те самые», особые свойства человека. То есть разум, мышление и интеллект.

Купить: https://tellnovel.com/nevzorov_aleksandr/iskusstvo-oskorblyat

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити